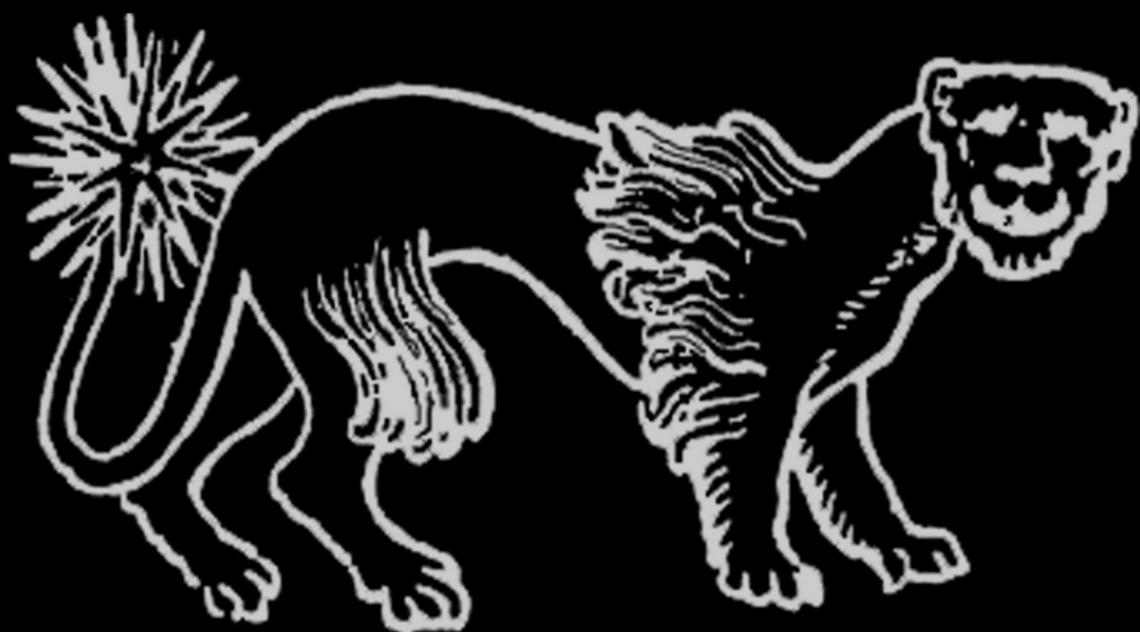

Илона Ивашкевич

Легенда о Мантикоре

Пропащая душа

6+

Илона Ивашкевич

**Легенда о Мантикоре.
Пропавшая душа**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Илона Ивашкевич

Легенда о Мантикоре. Пропадающая душа / Илона Ивашкевич —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Сбежав от спокойной жизни в доме отца, Эура вряд ли понимала, куда её заведет желание попасть в КаулютМаа, прекрасную страну чародеев. Однако дорога приключений быстро превратилась в узкую тропу среди поросших сухой травой скал, а волшебный край — в проклятые земли, где восставшие мертвецы бродят среди разоренных нелюдями поселков. Пытаясь выжить в этом пропитанном интригами и магией мире, Эура будет взрослеть, терять и находить союзников, все чаще приходя к мысли, что живые, ничем не лучше мертвых.

© Илона Ивашкевич, 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Вместо пролога	6
Часть 1. Исход	7
Глава 1. Коса и камень	7
Глава 2. Ничья земля	35
Глава 3. Цена жизни	47
Конец ознакомительного фрагмента.	67

В оформлении обложки использовано изображение мантикоры со средневекового «Бестиария». <https://lt.wikipedia.org/wiki/Vaizdas:Manticora.gif>

Никто не умирает навсегда.

Вместо пролога

Секира в руке скелета рассекла воздух, срезав с головы худенького парнишки кусок кожи. Кровь, брызнувшая из раны, алым окрасила спутанные льняные волосы и струйкой потекла по переносице. Парень зашатался, едва не выпустив меч из худых рук, и медленно попятился, вытирая лоб ладонью. Грязь мерзко чавкнула под перевязанной бичевой подошвой потрепанных сапог. Мелкий морозящий дождь шёл с утра, и к обеду поле боя превратилось в непролазную хлябь, в которой вязли люди и лошади. Люди... много ли их осталось в этом проклятом богами болоте?! Крики раненых тонули в плотной пелене тумана, пропитанной вонью сырого дерева, прелой травой, сгоревшим воском, кровью, потом, протухшей плотью и ладаном.

«Будьте трижды прокляты, те, кто заманил нас сюда, живых, на потеху мёртвым. Будьте прокляты те, кто отправил нас подыхать, словно тупой скот. Будьте прокляты и Мажий Совет, и те, кто пляшет под его поганую дудку: торгаши... вояки... жрецы... Вам, наверное, сейчас тепло и сухо, в ваших уютных кабинетах, а, господа маги, а мы здесь, в грязи... мрём как мухи... – прохрипел парень, сплёвывая сквозь зубы кровавую слюну. – Даже погоду не наколдовали: сидим как утопцы в болоте.»

Парень поёжился. Мокрая одежда, прилипнув к коже, словно чары вытягивала тепло. Да могли ли согреть промозглым осенним днём старая рубаша под ржавой кольчугой и латанные штаны мешком болтающиеся на отцовском поясе. Нападавший мертвец был одет лучше: хорошие его позаботились о хорошем пластинчатом доспехе, новых сапогах, и даже шлеме с затейливым узором.

«Вот что тебе в сухой могиле не лежалось? Что притащился из самой столицы в это болото? – Продолжил парень вслух, медленно отступая. – Хочешь, чтобы я с тобой, тварью неупокоенной, по болотам шастал? Нет уж, костлявый, не возмёмшь!»

Перехватив меч, парень размахнулся. Стрела, застряв в рёбрах, прервала удар. Парень замер, захрипел и, заваливаясь на спину, повалился в грязь. Меч рыбкой выскользнул из слабых пальцев.

«Великая Морриган, услышь. Все это не может закончиться здесь, – взмолился парень. Он отчаянно моргал, пытаясь ухватить ускользающий мир, но взгляд тонул в плотной пелене тумана. Лишь зелёные немигающие глаза мертвеца ледяным огнём горели в серой дымке. – Как же так, великая богиня.. Я же ничего не видел в этой жизни... Как же так... Я хочу жить, Морриган... Я хочу жить... – Он по-детски всхлипнул. – Я ... я ведь знаю уговор, богиня. Ты просишь плату за желание, ведь так? Я сделаю все, что ты попросишь... Назови свою цену...»

– Жизнь за жизнь, душа за душу, – послышался в угасающем мозгу парня тихий шёпот.

Тягучая рубиновая струйка поползла с уголка рта. Глаза парня медленно стекленели.

Часть 1. Исход

Глава 1. Коса и камень

Колокол на дозорной башне нёс радостные вести о том, что королевский кортеж пересёк южные границы, когда во дворе поместья почтенного наместника Трюггера «Большого Дома» и его жены Аурики Ласточки появились всадники. Трое парней, крепких, черноволосых и худенькая девушка на гнедых жеребцах ворвались в поместье в окружении ловчих и собак. И без того тесный дворик ту же наполнился лаем, криками и лошадиным ржанием.

– Держись, сестрёнка. Сегодня ты получишь за все злодеяния. Мать недовольна, – кивнул один из парней в сторону крыльца.

– Не волнуйся, Кнутти. Не впервой, – отмахнулась девушка. – Старики поворчат, да отстанут.

Мужчины спешили и, громко разговаривая, отправились в дом, оставив слугам разгружать добычу. Рядом с дровнями крутились пегие охотничьи псы. Искося поглядывая на людей, собаки кружили вокруг свиных туш. Слюна, застывая на морозце, инеем оседала на уса-тых мордах. Они жадно вдыхали манящий аромат тёплой крови, доносившийся от сваленных на промёрзшем лапнике кабаньих тушек. Запах щекотал звериные ноздри, дразнил и манил, словно пряничный домик заблудившихся в лесной чаще детей. Шаг за шагом они подбирались к желанной добыче. Псы словно забыли, что в любой старой сказке в пряничном домике кроме петушков из леденцов и сахарных мышей обитала злая ведьма. Стоило вожаку облизнуть торчащий из-под лапника пяточок, как хлыст рассёк воздух, щёлкнув рядом с собачьим носом. Напуганные псы бросились врассыпную, обиженно скуля. Девушка захохотала, довольная своей шутке, и соскочила с коня.

– Эура из дома Трюггера! Тебе запрещено покидать Снерхольм до отъезда короля! – Послышался с крыльца строгий женский голос.

Прекрасная Аурика, жена наместника северных земель, мать многочисленного семейства рвала и метала: старшие сыновья должны были вернуться с охоты ещё утром, но скуное зимнее солнце уже в зените, а дети только переступили порог дома. То, что они задержались, а гости должны были приехать с минуты на минуту, было ещё полбеды... Беда в том, что Эуриста или, как звали домашние, Эура, её старшая дочь, увязалась с братьями.

– Отец разрешил, – ответила девушка, передав поводья слуге. Легко поднявшись по ступеням, она поцеловала женщину в щеку.

– Дочь, не пытайся мне лгать! Отец был очень удивлён и расстроен, когда ты не появилась за завтраком. Достопочтенный Хайдди предлагал ему отправить за тобой людей.

– Скажи отцу, чтобы попросил рыжебородого сыча не совать нос в мои дела. Пусть следит за своими детьми, а не раздаёт советы, когда его не просят.

– Ты несправедлива к соседу. Он очень расстроился, когда отменил вашу с Рудкаром помолвку, но ему пришлось это сделать: ты чуть не угробила мальчика. Отцу с трудом удалось убедить Хайдди, будто сын попал в волчью яму случайно. Твоей сестре пришлось все лето выхаживать его. Только благодаря Эйе мальчик не остался калекой.

– Рудкар идиот. Я не понимаю, как можно было попасть в ловушку! Да любой, у кого есть два глаза, заметит свежую землю и торчащие колья. В любом случае, вы должны быть мне благодарны: Эйя счастлива выйти замуж за этого придурка.

– Эура, следи за языком! Здесь не трактир, изволь вести себя пристойно. И тебе стоит поторопиться! Твои сестры уже собраны, а ты .... ты посмотри на себя: волосы всклокочены, на щеке царапина! Целый день протаскалась с мальчишками на охоте, чертовка! Да простят

меня предки, но я надеюсь, что в один прекрасный день ты переломашь себе ноги и будешь тихо сидеть, вышивая у окна!

– Да, мам, – буркнула под нос Эура и скрылась за дверями дома.

Боги сурово наказывали Аурику за старые ошибки. После рождения третьего сына Трюггер и Аурика мечтали о дочке, но по всем приметам должен был появиться мальчик. Кто-то из кумушек нашептал Аурике: «Мол, живёт в окрестностях Снерхольма старая гоблинка, что ворожит на камнях, кишках и костях, а кто судьбу знает, тот перечертить её может. Долго ли умеючи? Гоблинцы мелкие, им много не надо: заплатишь за работу мёртвой курицей или отрезом полотна.»

Тот, кто дал сей совет почтенной Аурике, был или глупцом, или подлецом. Богини Судьбы сами выбирали, кто и каким должен родиться, чтобы вплести нить жизни в один только им известный орнамент на полотне этого мира. Судьба каждого была предрешена в тот момент, когда старшая из богинь отрывала пучок шерсти из пёстрой кудели. Только неразумный мог поверить, что гоблинские шаманы могут пробраться в мастерскую богов и разглядеть узор на сотканной ткани, а дважды неразумный – что нелюди могли уговорить богов покрасить нитки или изменить узор.

Виноваты в том женское упрямство или сетования Трюггера, мечтавшего о дочке, одним богам известно, но совет запал в душу Аурики. Звёздной зимней ночью беременная женщина отправилась к гоблинской шаманке. Обнюхав подарки, старуха долго кряхтела, перебирая жёлтые костяшки рун высохшими пальцами, а после объявила волю богов: «Когда луна станет полной, принеси жертву богине мальчишку, что носишь под сердцем. Сожги в очаге нерождённого младенца. Затем смешай пепел можжевельника с прахом, высыпь в бокал с вином и выпей. На девятый день невинная душа займёт место в чертогах богов, а ты понесёшь долгожданную девочку.» Напуганная предсказанием, Аурика раньше положенного срока родила хилого ребёнка. Гоблинка ошиблась: под завывание метели в старой башне вместо предсказанного мальчика на свет появилась девочка. Старая Метхильд, принимавшая роды, громко причитала, бережно укутывая в пелёнки синюшного, слабенького младенца, едва не задушенного при рождении собственной пуповиной. На девятый день после родов в замке объявилась шаманка. Тряся кривым посохом увещанным, словно новогодняя ёлка игрушками, костями и стеклянными шариками, старуха пригрозила гневом богов, если новорожденный не будет принесён в жертву Морриган. Собаки жались по углам, когда её громкий шепелявый говор, смешиваясь с шёпотом метели и звоном стекла, разносился над замковым двором. Мягкий и спокойный, Трюггер рассвирепел: слуги плетями гнали старуху до Гремячей речки и бросили едва живую на берегу, пригрозив утопить в полынье, если ведьма ещё раз сунется на порог. Шаманку никто и никогда не видел в окрестностях поместья, а вот проклятия, брошенные на прощание старой каргой работали: только домашние духи, жившие за старым камином в хозяйской спальне знали, сколько слез было пролито Аурикой из-за проказ старшей дочери. Едва не умерев при рождении, девушка раз за разом испытывала судьбу, принимая участие во всех забавах старших братьев, будь то охота, рыбалка, поездка на ярмарку или облава на гоблинцев. Напрасно женщина попросила мужа быть строже с дочерью: Трюггер баловал Эуру, закрывая глаза на все шалости. Аурике оставалось лишь умолять богов даровать мужа непутёвой дочери, дабы сбросить спесь с гордычки, но тут даже молитвы матери были бессильны: Эуры, словно чумы, сторонились все почтенные семейства, живущие в окрестностях Снерхольма. Не помогали ни богатые подарки, ни доброе имя, ни земли.

Аурика Ласточка ... Годы выбелили волосы и прорезали на лбу морщины, но не согнули спину. Заботы о большом беспокойном семействе, лёгшие тяжёлым бременем на гордо расправленные плечи, так и не смогли приковать к земле ноги, лишив лёгкой походки. Восемь

детей: пятеро мальчиков и три девочки, а женщина была все по-прежнему стройна и легка, как ласточка. Величественная, как сосны, что вершинами упираются в облака, она взирала с высокого крыльца, спрятав замёрзшие пальцы, унизанные бирюзовыми перстнями в горностаевую муфту. Во дворе замка, словно муравьи, копошились слуги. Все было готово к приезду дорогого гостя: дорога расчищена, откупорены бочки с вином, жарились перепела и барашки, в зале для приёмов менестрели настраивали лютни, а в камине горел огонь. Звуки баллад доносились из-за неплотно прикрытой двери.

Муж её, Трюггер «Большое гнездо», выехал навстречу королю, а она, как и подобает хозяйке поместья, ждала гостей на крыльце. Правитель здешних земель не часто доезжал до северных границ. Да что ему было здесь делать? Предгорья – это покрытые лесами скалы, да перевалы, населённые гоблинцами, троллями, горными духами и прочими творениями тёмных богов. Говорят, за горной грядой, каменным щитом окружавшей северные границы королевства, есть другая страна. Торговцы, менявшие звонкую монету на беличьи шкурки и дешёвые самоцветы, называли тот край «краем волшебников и чародеев». Но кто поверит рассказам бессовестных лгунов, готовых набрехать что угодно, в надежде, что под весёлую байку покупатель сбросит цену. Была макушка зимы, и гоблинцы давно перекрыли перевалы, время от времени устраивая набеги на эти земли. Словно горный поток, они шумным ордой накатывали на людские поселения и, схлынув, уносили все, что можно было утащить. Лишь высокие частоколы хранили разбросанные по предгорьям людские поселения от беспокойных соседей.

Пока Аурика предавалась размышлениям на крыльце, дочери наводили последний лоск, а сыновья готовились показаться перед королём, в надежде попасть в его свиту, в маленькой светёлке на третьем этаже жилища наместника, бушевала буря.

– Ну как можно! – Гремела старая Метхильд, вытаскивая из длинных чёрных волос девушки сухой репей. Рядом помощницы держали перед Эурой большое потемневшее от времени зеркало.

– Я выгляжу, как кукла! – Капризничала девушка.

– Как прекрасная маленькая куколка, – проворковала с улыбкой нянька, полная и живая, словно ртуть, женщина. – Сейчас причешем, и будешь похожа на человека!

– Эура, ты готова? – Из-за двери высунулась очаровательная головка сестры. Длинные чёрные волосы её были уложены в две косы и спрятаны под жемчужную сетку, отчего головка казалась ещё милее и аккуратнее. – Матушка зовёт.

– Да, да, завет, – следом высунулась взъерошенная головка брата. Увидев Эуру, он показал девушке язык.

– Ну как брысь отсюда, мелюзга! – Рывкнула Эура.

Близнецы юркнули за дверь.

Метхильд неодобрительно покачала головой.

– Не успеваю ничего! – Ворчала Метхильд. – Промоталась всё утро, бездельница! Давно тебя отец не порол! Будь ты моей дочкой, я бы давно всыпала тебе по первое число.

– Я вообще хотела остаться в старой крепости. Ты же знаешь, я не люблю шумные праздники. – Фыркнула девушка, разминая затёкшую шею.

– Опять всю ночь с гоблинцами в кости играть?!

– Да нет, просто напиться. Матиас выменял в трактире шкуры на хорошее вино и пряности.

– Бесстыдница! – Проворчала нянька. – Мать бы свою поберегла! Аурика – святая женщина! Помяни мои слова, когда-нибудь её чаша терпения переполнится, и она всыплет тебе по первое число!

– Да брось ты. Нет ничего плохого в паре кубков глинтвейна. Можно ещё в картишки перебраться в трактире. Там сейчаслюдно. Сейчас там все, кто не поместился в Снерхольме, но очень желает видеть короля. Яблоку негде упасть.

– Велико умение: проматывать отцовское золото, – презрительно фыркнула нянька, сильнее натягивая прядь длинных жёстких волос. Эура стиснула зубы, но промолчала. – За ночь просаживаешь больше, чем твои сестры за год тратят на платья и заколки! Лучше бы чем-нибудь путным занялась!

– Ты же знаешь, мать запретила отцу давать мне золото, так что играю на свои. Сейчас зима, и шкурки в цене. На прошлой неделе тролля из пещеры подняли, Матиас уже нашёл покупателей на шкуру. Платят столько, что денег хватит до весны.

– Тролли... деньги... охота... бездельник Матиас! От кого я слышу!? От благородной госпожи, от дочери наместника Предгорий! Да ты дальше светёлки выходить не должна! Сидеть и мужа ждать, как твои сестры!

– Метхильд, не могу я так... Задыхаюсь... Тошно мне в Снерхольме.

– Тошно ей! Сидишь: сыта, одета, обута. Мать с отцом с тебя пылинки сдувают. Эверт с Арво весной поедут по деревням, напросись с ними, старый писать то помер и им как раз нужен кто-то, кто грамотой владеет. Посмотришь, как обычный люд живёт: сколько народу зиму пережило: сколько от голода померло, сколько замёрзло, сколько нелюди сожрали.

– Метхильд!

– Ты меня не затыкай, мала ещё. Я много лет Метхильд. Я тебя и твоих братьев-сестёр на руках качала. Послушай старуху: возьмишь за ум. Сегодня приедет король, а с ним много богатых и благородных господ. Присмотрись к ним, может и отогреется твоё каменное сердечко.

Девушка презрительно скривилась. Оттолкнув служанок, она встала и, окинула придирчивым взглядом отражение: новое бархатное платье цвета болотной ряски, зауженное в талии, с вышитым золотой нитью лифом сидело как влитое.

– Хоть бы спасибо сказала, что ли. Девочки в кровь пальцы иголками искололи, чтобы успеть.

– Тошно мне здесь, Метхильд.

– Потерпи, вот король уедет, и делай что хочешь, а пока марш вниз: мать, наверное, уже заждалась, – буркнула Метхильд, выталкивая Эуру из комнаты.

В тот злосчастный день, когда гонец постучался в ворота Снерхольма, в жизни девушки началась тёмная полоса. Прознав о том, что король собрался с визитом в северные земли, гоблинцы свернули пёстрые украшенные лентами шатры и растворились среди горных перевалов. Долгая метель замела тропы и спрятала следы их стойбищ под сугробами. Затем, скрываясь от непогоды, в горы ушла дичь. Попрятались даже олени и зайцы, во множестве водившиеся в окрестностях Снерхольма. Молодой тролль, попавший в капкан у старой мельницы да семейство кабанов, поднятое сегодняшним утром, вот и вся добыча за месяц. В довершение всего, соседи, родственники, друзья семьи наведались в гости, превратив сонное, затерянное в Предгорьях поместье в шумный балаган. В доме даже появился шут, худой вечно пьяный старик с ручным медведем. Шут развлекал гостей, проводящих дни в застольях, охоте, танцах и состязаниях лучников и рыцарей. Он сыпал скабрёжными остротами, за что был неоднократно бит; подтрунивал над музыкантами; показывал фокусы детям; выводил из себя менестрелей, затягивая невпопад деревенские песни и, налакавшись медовухи, танцевал в обнимку с медведем. На этом празднике жизни Эура чувствовала себя таким же клоуном, вынужденным по прихоти богов разыгрывать благородную даму. Как и приبلудный артист, она целыми днями развлекала гостей беседами, заливалась смехом в ответ на несмешные шутки, томно закатывала глаза, пока заезжий бард затягивал заунывную балладу о славных подвигах дедов и прадедов. То ли Эура была скверной актрисой, то ли старый пьяница дольше играл свою роль на подмостках жизни, но публика явно больше любила старого паяца. К тому же, каждый из гостей догадывался, что старшая дочь Трюггера променяла бы душу свою или чужую, на час свободы: потолкаться на рынке, присматривая новые стрелы, покурить трубку со ста-

рым шаманом в становище гоблинцев, или послушать охотничьи рассказы на старой заимке. Помня старые обиды, соседи подшучивали над ней за вечерней трапезой, расстраивая Аурику, мечты которой выдать дочь замуж поближе таяли, словно снежинки на печной трубе. Последней надеждой Аурики оставались король и его свита.

Когда пёстрая кавалькада короля Риквида показалась в воротах поместья, Эура спускалась по деревянной винтовой лестнице, ведущей из верхних покоев женской половины дома в «тронный зал». Девушка гусеницей ползла, запинаясь о подол длинного, плохо подогнутого платья, рискуя сломать шею на крутых ступеньках, едва освещённых слабыми солнечными лучами, пробивавшимися сквозь узкие, наполовину занесённые снегом оконца. Тусклые пучки света, проникая сквозь толстые зелёные стекла, блёклой изумрудной мозаикой ложились на узкие ступени. На лестнице стояла вязкая тишина, и было слышно, как скребутся мыши. Разжиревшие кошки, привыкнув к подачкам со стола, обленились и совсем забросили охоту. Эура приложила руку к стеклу, и ледяной узор стал медленно таять под тёплой ладонью. Сквозь оттаявшее стекло, Эура увидела, как во двор въехал король и его свита. Трюггер помог королю спешиться, и Аурика, склонив седую голову, поднесла хлеб и вино дорогим гостям. Затем наместник представил королю многочисленное семейство тесными рядами стоящее на крыльце. Не найдя среди детей и домочадцев старшую дочь, он замешкался, но Аурика Ласточка, одарив короля обворожительнейшей из своих улыбок, попросила среднюю дочь, Эйю Тихую, развлечь гостя. Эйя Тихая, вторая дочь наместника, медлительная хрупкая нежная, как подснежник по весне, была предназначена старшему сыну Хайдди Рыжебородого Рудкару Красному. Свадьбу назначили на конец весны: как только кисти черёмухи побелеют от цвета, молодые принесут клятву верности в священной дубовой роще, скрепив старый союз двух семей. Ныне же Рудкар бросал ревнивые взгляды на будущую жену, и старался держаться поближе, когда вся толпа из многочисленной родни, соседей, свиты, увлекаемая хозяевами многоголосым потоком втягивались внутрь поместья. Эура поспешила вниз и уже собиралась смешаться с толпой местных господ, лично приехавших в Снерхольм, дабы поприветствовать правителя и попить за столом хлебосольного соседа, как перед ней появилась мать.

– Дочь, где тебя носит?! – Строго проговорила Аурика, недовольно поджав губы. Её серые глаза сверкали недобрым огнём. – Это было очень невежливо с твоей стороны не выйти к гостям. Ты старшая дочь наместника, и ты должна была встречать короля рядом со мной. Почему Эйе снова приходится за тебя отдуваться? Мне страшно подумать, что будет, когда она покинет нас. Кто будет выполнять твои обязанности? Эверт или Арво с Кнутти натянут ради этого женские платья? А может быть близнецы?

– Попроси брата Генри. Лисёнок и так из кожи вон лезет, чтобы понравится окружающим.

– Эуриста, не паясничай. Не забывай, что ты старшая дочь наместника, и как у старшей дочери наместника у тебя есть обязанности в этом доме. Пока ты живёшь в этом доме, изволь их выполнять! Поэтому мы, милая, сейчас вместе отправимся вниз и сделаем вид, что не ты, по обыкновению наплевала на законы гостеприимства, а досадное недоразумение помешало тебе встретить королю. И постарайся держать язык за зубами. Ради всех богов, просто молчи, улыбайся и кивай головой. Мы только помирились с соседями.

– Может не стоит? – Пискнула Эура.

– Стоит, стоит, – улыбнулась Аурика улыбкой кота, придавившего бархатной лапой глупую мышь. – Ты же хотела «свалить из нашей дыры», «повидать мир»? Тебе же «тошно в родном доме»? Так вот, милая, тебе выпал шанс: понравишься кому-нибудь из свиты короля, побежишь в южные земли, роняя туфельки с прекрасных ножек. Представь, никаких нудных родителей и тупых родственников на тысячи миль вокруг. Ты же этого хочешь?

– Ну, мам!

– Повзрослей, дочь! – Отрезала Аурика, мёртвой хваткой впиваясь в локоть дочери. – К гостям! И не заставляй нас с отцом краснеть.

Кивком приветствуя родственников и соседей, сидящих за накрытыми столами, Аурика Ласточка медленно проплыла через весь зал. Эура безвольной куклой следовала рядом, едва не наступая на подол.

Король восседал на высоком резном стуле во главе стола. Слуги, суемящиеся рядом, шустро подтаскивали бронзовые блюда с жареными целиком фазанами, румяными поросятами в овощах, дымящиеся котелки с ароматной похлёбкой, корзины с фруктами и маленькие бочонки с соленьями. Королевский кубок не успевал пустеть, как мальчик-виночерпий наполнял его рубиновым вином. Лучшим вином, которое только можно найти в Предгорьях! Король уже слегка опьянел, лицо его подобрело, нос становилось пунцовым, глаза потихоньку соловели и пьяно блестели в полумраке зала. Он мечтал, забравшись в кровать, провести остаток дня в объятьях юной помощницы лекаря, свежей, словно наливное яблочко, и такой же румяной. Проклятый протокол требовал от короля слушать нудные песни в свою честь, поднимать кубок за своё здоровье, и он сидел, откинувшись на жёсткую дубовую спинку (да забрали бы подземные духи придворного мебельщика!), вытянув под столом ноги. Король был не молод, и с каждым годом поездки по землям давались все тяжелее.

– А это дочка моя, Эура. Она немного приболела и не смогла встретить Вас у порога, – заплетаясь языком проговорил сидящий по правую руку от короля хозяин Снерхольма. Духота разморила старого отца семейства, или то была крепкая медовуха, которой они с королём набрались ещё на границе, но Трюггер «Большое гнездо» был абсолютно пьян и счастлив.

– Подойди ближе, милое дитя, – устало проговорил король, ставя на стол золотой кубок.

Сидящий рядом Хайдди Рыжебородый поперхнулся, но, почувствовав на себе свирепый взгляд Аурики, промолчал.

Эура сделала шаг вперёд и почтительно опустила глаза.

– Отец сказал, что ты больна, но я вижу, что ты румяна и здорова. Почему же ты не вышла на крыльцо встречать своего короля? – Спросил Риквид, хитро прищутив правый глаз.

– Я не люблю шум и верю, в Снерхольме было кому встретить высоких гостей. Одним человеком больше, одним меньше...

– Прошу прощения за дерзость, – поспешно начал извиняться Трюггер, вытирая испарину проступившую на бритом, покрытом синими рисунками черепа. Татуировки появились на лысой голове наместника ещё в юности, когда он, безусый юнец, с отцом и старшими братьями пропадали в горах: грабили гоблинцев и орков, устраивали засады на оборотней, ходили на медведей, водили караваны к рудным шахтам. Да, много воды утекло с пор: давно полегли в могилу братья и отец, возмужал и состарился Трюггер, но каждое утро, сбывая кривым ножом остатки поседевших каштановых волос, Трюггер хитро улыбался, вспоминая былое.

– Болеет она, горячка ум затуманила. Милая, – Обратился он к жене. – Попроси, чтобы Эуре сварили чай с травами и пусть ложится спать.

Трюггер собирался было добавить ещё что-то в оправдание дочери, но король поднял ладонь, делая знак замолчать.

– Дошли до меня слухи, что злой язык у тебя, – усмехнулся король, потирая длинные седые усы.

– Соседи жаловались? Не слушайте: брешут, как псы дворовые! – Спокойно проговорила Эура, подняв голову.

– Эура! – Осекла её Аурика. – Не волнуйтесь, господин, она будет наказана, – тут же поспешно добавила женщина, поджимая тонкие губы.

– Не стоит торопиться, почтенная Аурика, – ласково произнёс король. – Как говорил мой отец, поспешность нужна только при ловле блох, да и то когда руки мокрые. У меня припасено своё наказание. Позвать Хайдгера!

Хайдгер, рослый детина тридцати зим отроду, служивший начальником королевской охраны, потягивал тёмное пиво в дальнем конце стола. Дорогая сердцу сестра и лучший друг его остались далеко на юге, долгая дорога и ежедневные попойки давно опостытели, а ратных подвигов не предвиделось: как назло разбойники отказывались нападать на королевский обоз, вассалы были само дружелюбие, крестьяне не докучали, а нелюди и вовсе исчезали задолго до того, как король и его свита появлялись на горизонте. Хайдгер скучал, хамил и становился несносен. Король, устав от жалоб на злые шутки Хайдгера, послал его подальше... к менестрелям, столовавшимся чуть дальше, чем последние дворяне из свиты. От менестрелей начальник королевской охраны благополучно сбежал ещё дальше, к служившим у него наёмникам. В компании бравых вояк он коротал вечера, потягивая дармовое пиво и горланя непристойные солдатские песни, маясь от безделья и тоски.

Когда слуги передали просьбу короля, Хайдгер нехотя поднялся с широкой лавки, поправил съехавший плащ с волчьим воротником и, покачиваясь, направился к господскому столу, похожий на медведя шатуна, поднятого охотниками из тёплой берлоги.

– Моё почтение, правитель, – проговорил мужчина склоняясь. Ножны меча звякнули, ударившись о кованые сапоги. – Звали?

– Да, верный Хайдгер, звал. Садись, выпей с нами, – хитро улыбнулся король. – Это внук моего брата, Фрерберна Могучего, да упокоится его дух в палатах Морриган. Жалко сестрёнка его, Кэрита, слишком мала, чтобы сопровождать нас: пришлось оставить её дома. Хорошая девчушка, расторопная, милая. Она обычно прислуживает мне за столом. Трюггер, не согласится ли Ваша дочь, Эура, оказав нам честь, поднести вино?

– Конечно же... – улыбнулась Аурика. – Эура, дочка, принеси гостям вина.

Эура взяла стоящий перед королём пустой серебряный кувшин и, почтительно поклонившись, направилась к выходу, пропустив вперёд слуг, тащивших медный поднос с горкой обглоданных костей, на вершине которой торчали оленье рога. Как только парадные покои остались позади, она поймала мальчика-слугу, спешившего на кухню с зажатой под мышкой хлебной корзинкой.

– Принеси вина! Живо!– Приказала она тоном, не терпящим возражений.

Мальчик испуганно вздрогнул, едва не уронив хлебницу.

– Но госпожа Аурика просила свежих булок... – пропищал он, втягивая голову.

– Госпожи Аурики здесь нет. Не заставляй меня повторять дважды. Вина! Живо!– Рявкнула Эура, сунув ему в руки кувшин.

Видя, что препираться бесполезно, мальчик схватил кувшин и побежал к каменной лестнице, ведущей в подземелье Снерхольма. В обширных подвалах под жилищем Наместника хранились запасы на случай войны, чумы или приезда дорогих гостей. Там же находились винный погреб, казна и тюрьма.

– Госпожа...– прошептал кто-то, потянув за рукав.

Девушка резко обернулась.

Позади неё стоял низенький коренастый незнакомец в грубом шерстяном плаще, заколотом на груди куриной костью. Широкий капюшон, надвинутый на глаза, закрывал лицо. На руках незнакомца были грубые кожаные перчатки, натянутые по локти.

– Шаман желать тебя видеть, – прохрипело существо.

– Ещё рано. Солнце не село, – проговорила девушка озираясь.

– Я ждать здесь...

– Уходи, тебе нельзя здесь находиться! Гоблинцам не место в человеческом доме. Знаешь, что люди делают с такими, как ты? Тебя затравят псами на потеху королю или привяжут к стулу и будут макать в выгребную яму. Как ты вообще пробрался в дом?! Здесь собаки, люди...

– У Терррорка свои ходы, – хрипло засмеялось существо. Смех его напоминал бульканье. – Но человеческая женщина не боится: я никого не убивать. Люди короля меня впустить и угостить вином. Я ждать тебя рядом с едой. Хооре сказать Терррорку не возвращаться без тебя. Хооре спустить с Терррорка шкуру и сварить в кипятке, если он вернется один.

– А если Терррорк не свалит из дома наместника, он попрощается с жизнью гораздо раньше.

– Госпожа, вот вино, – в коридоре появился мальчик-слуга и протянул кувшин. – А кто это? – Он покосился Терррорка, переминавшегося с ноги на ногу: только что стащенные нарядные сапоги невероятно жали, но бросить добычу было выше гоблинских сил.

– Новый помощник седельщика, – не моргнув глазом, соврала Эура. – Проводи его в конюшню: пусть снимет мерки с моей лошади и дождется меня. – Приказала она, забирая серебряный кувшин.

Убедившись, что слуга и гоблинец скрылись в ведущем к конюшне коридоре, она вернулась в зал.

– Что-то долго, дочка, – недовольно заметила Аурика.

– Дорога в подвал не близкая, – отмахнулась Эура, наполняя кубки. – Да и кувшин не лёгкий.

– Не тяжелее колчана, – заметил Риквид. – Родители рассказали, что ты увлекаешься охотой.

– Так по мелочи... – Пожала плечами Эура. – Звери, птицы, иные существа... Баловство все это ...

– Твой отец звал нас на охоту.

– Езжайте...

– Ты составишь нам компанию?

– Нет.

– Позволь спросить, почему?

– Сегодня Ваши люди перепьются так, что с утра не сядут на лошадей, а если случится чудо, и выедете из Снерхольма, то просто проболтаетесь весь день, загнав коней и гончих. Зима нынче суровая, и звери ушли в горы. Вы даже дохлого кролика не поймаете, зато оборотни будут очень рады: они любят человечину или свежую конину. Сейчас этих тварей в лесах столько, что крестьяне лишний раз за околицу носа не показывают. Извините, господин Риквид, но эти земли не подходят для пикников. Здесь Предгорья, а не королевский лес.

– Нас хорошо охраняют, правда, Хайдгер?

– Он? – Презрительно бросила Эура. – Сегодня полнолуние. Прикажите своим людям не покидать Снерхольм: крестьяне из окрестных деревень видели следы на снегу. Следы были в два раза крупнее волчьих. Я бы не хотела, чтобы кого-то не досчитались поутру.

– Эура как всегда, преувеличивает, – быстро заметил Трюггер. – Наши земли спокойны. Король сам во всем убедился.

Наместник тысячу раз пожалел, что поддавшись на уговоры жены, заставил дочь присутствовать на трапезе. Нужно было соврать, что она нездорова. О, женщины, от вас все беды! Так бы приехал король, показали бы ему земли, напоили, накормили, развлекли бы поэтами. Поэты конечно, не первый сорт, зато свои, местные. А Эура... Ну уломал бы он кого-нибудь из соседей, приданного больше заплатил бы...

– Оборотни? – Оживился Хайдгер, до этого грустно грызший баранью ногу.

- Вот госпожа Эура тебе все покажет.
- А похороны за чей счёт? Если конечно останется хоть что-то, что можно будет предать земле и написать на камне «здесь покоится сумасшедший»... Эм... как его имя? Я забыла.
- Хайдгер мне имя. И не женское это дело рассуждать об оборотнях.
- А что же позволю спросить женское?
- Ясно дело: детей растить, в храм ходить, еду готовить.
- Благородный Хайдгер, обычно добавляет “почистить мужу сапоги и заштопать плащ”, – с хитрой ухмылкой добавил Риквид, отводя глаза.
- Да, сапоги тоже должны быть чистыми. Порядок должен быть!
- Да ты шо... – прошипела Эура, по-кошачьи прищуриваясь.
- Трюггер, собрался было что-то сказать, но король вновь остановил его движением руки.
- Молчите, благородный Трюггер, молчите. Поверьте мне, эти двое стоят друг друга, – заговорщически прошептал король, наклоняясь к уху наместника.
- Моя дочь его с потрохами сожрёт, – укоризненно покачал головой Трюггер.
- Подавится, – усмехнулся король. – Если сожрёт, заставлю выйти замуж за то, что останется.
- Эх..., – махнул рукой Трюггер и с горя залпом осушил кубок.
- Эура снизу буравила обидчика взглядом, словно болотная змея глупого птенца. Хайдгер опираясь на крышку стола пудовыми кулаками, нависал над ней горным троллем... Лысым, свирепым горным троллем с поросшим трехдневной щетиной подбородком.
- Мне стоит пожалеть жену господина Хайдгера?
- Господин Хайдгер не женат.
- Конечно, если больше интересоваться оборотнями, чем женщинами! Хотя... Вам, с вашей комплекцией и мозгами больше подойдёт горная троллиха. Горные тролли тупы и молчаливы.
- До оборотней, господин Хайдгер интересовался тобой, Эура... – Заметил король. Перепадка его развлекала. Он развалился в кресле, поглаживая седые длинные усы. Спина его чудесным образом прошла, да и ноги перестали ныть, стоило только стянуть сапоги.
- Это практически одно и то же... – усмехнулся Хайдгер.
- Не думаю.
- Девушка, Вам думать вредно, – заметил Хайдгер. – Вам лучше сидеть и молчать, по крайней мере, до свадьбы.
- У господина был печальный опыт?
- У господина есть мозги, чтобы подобный опыт не приобретать, – парировал Хайдгер.
- Мы несказанно счастливы за господина Хайдгера.
- Эура собиралась было добавить какую-нибудь колкость, как позади отца мелькнула детская фигурка в грязно зелёном плаще. Вместо того, чтобы ждаться в конюшне, наглый гоблинец шнырял по Снерхольму. Девушку с мелким народцем связывал многолетний договор: Эура не трогала их, аккуратно платила за проезд через гоблинские заставы, продавала куньи шкурки и мёд, а гоблинцы не трогали её, поили медовухой и пропускали к шаману. Она держалась подальше от их жилищ, а они не совались в Снерхольм. Это была не дружба, это был нейтралитет. И вот нахальный гоблинец шастал по дому её отца, шарил по углам, подглядывал за людьми, и успел что-нибудь стянуть по старой гоблинской привычке.
- Ум, госпожа Эура – понятие растяжимое.
- Человек вообще понятие растяжимое.... На дыбе....
- Опыт?
- Теоретический.
- Это ненадолго, госпожа Эура. Судя по длине вашего язычка, вы быстро приобретёте опыт практический, – усмехнулся Хайдгер, обнажив неровные зубы.

- Тому, кто пытается дотронуться до меня, я выломаю руки и вставлю их в жо...
- Хватит! – Не выдержала Аурика. – Эура, марш в свою комнату!
- Прошу прощения, – девушка вежливо опустила глаза.
- Живо, Эура. Ты наказана!

Едва не сбивая слуг, девушка выскочила из зала, и, словно белка, метнулась вверх по лестнице, перескакивая через ступеньки. Как только звуки пира затихли, смешавшись с гулом поместья, она замедлила шаг. Оказавшись в своей комнате, Эура заперла дверь на засов и спрятала за косяком гальку с голубыми рунами. Быстро развязав шнуровку, девушка стянула платье и небрежно кинула его на пузатый ларь. Туда же полетели сапожки, украшения и исподнее. Затем Эура вытащила из-под кровати сундучок с обычной одеждой, той, что бережно носилась каждый день, в жару и в мороз: синие-зелёные штаны и такая же куртка. Кожа на куртку была взята с брюха первого пойманного тролля, кожа со спины – пошла на плащ, а из остатков сшили штаны, перчатки, мешок и сапоги. Подштанники и длинные шерстяные чулки ей достались от Кнутти, когда, закончив вязание, мать вдруг поняла, что сыночек слегка подрос за прошлую весну. Холщовую рубаху из небелёного полотна девушка купила на ярмарке. Поверх рубахи старшие братья таскали кольчуги, но для Эуры кольчуга всегда была непозволительной роскошью. Вот если только Матиас найдёт покупателя на троллячью шкуру...

Матиас Младший, сын торговца Матиаса Старшего, одноклассник Кнутти, был старым приятелем Эуры. Они вместе охотились, рыбачили, ездили в горы. Если спокойный, слегка застенчивый Матиас был светлой стороной их тандема, то взрывная и острая на язык Эура – тёмной. Матиас был голубоглазым высоким чуть полноватым увальнем, больше похожим на медведя подростка. Его коротко стриженные вечно топорщащиеся рыжеватые волосы и крупные веснушки, придавая лицу детское, слегка глуповатое выражение. Эура, маленькая худая, с бледной, почти прозрачной кожей, тёмными длинными прямыми волосами и миндалевидными глазами, доставшимися в наследство от бабки, больше походила на змею.

Быстро одевшись, девушка вытащила из-под кровати рюкзак, пристегнула ножны к поясу и распахнула маленькое оконце. Короткий зимний день клонился к концу. Уже легли длинные тени, окрасившись рыжими лучами заходящего солнца. Уже тёмной стеной чернел подступающий к Снерхольму лес. Уже слышалась с дальних заимок тоскливая волчья песня. Ловко цепляясь за торчащие из брёвен крючья, девушка проскользнула по узкому подоконнику на крышу, а затем спустилась на этаж вниз, мягко ступая по почерневшей от осенних дождей дранке. Там, где крыша дома упиралась в кровлю хозяйственных построек, едва заметно выступал квадратный люк. Расковыряв ножом лёд, девушка потянула за кусок верёвки, привязанной к медной ручке, и люк распахнулся. Из чёрного провала вырвались клубы тёплого пара, пропитанного тяжёлым конюшненным духом: ядрёной смесью из запаха прелой соломы, навоза, конского пота, вина, и кожи. Девушка нащупала ногой балку, и прыгнула вниз, после закрыв за собою крышку. Оказавшись внутри, она осмотрелась: в конюшне было тихо, лишь лошади сонно вздыхали в стойлах. Конюхи давно сидели на кухне, травя байки за кружкой медуухи со слугами короля. Пока Эура возилась с упряжью, появился Терррорк. Он словно крыса вылез из-за бочки с водой, и побрёл к девушке, слегка покачиваясь на тонких лапках.

– Женщина ехать с Терррорком?

– Ехать, ехать, – недовольно отозвалась Эура, затягивая подпругу. – Я приказала тебе сидеть в конюшне! Какое право ты имел бегать по моему дому?

– Ты сама просить человеческого мальчика проводить Терррорка к лошади, – пожал плечами гоблинец.

– Ты в своём уме, ушастый!? – Скривилась девушка от ударившего в нос терпкого виноградного запаха. – Шаман на дух не переносит запаха вина.

– Это все мальчик. Мальчик напоить Терррорка вином и дать капустный пирог. Терррорк не отказываться. Зачем Терррорк отказываться? Мальчик говорить, а Терррорк пить! Мальчик много говорить, Терррорк много пить!

– Ты точно спятил, – покачала головой девушка. – Похоже, не только оборотни теряют мозги в полнолуние. Видимо на вас, гоблинцев, луна тоже действует.

– Женщина, не бояться! Терррорк зелье верный знать: пол бутылочки и Терррорк свеж, как маленький крольчонок. Ням-ням, крольчонок.

– Смотри сам, ушастый, – отозвалась Эура, тихо выводя лошадь во двор. – В любом случае, если шаман будет спрашивать, то я тут ни при чем. Я тебе не наливала.

– Куда? – Окликнул их пожилой конюх, куривший трубку на старой бочке у ворот.

Эура кинула ему медяк. Старик, поймав монетку, подмигнул и побрел открывать ворота. Старый Улов никогда не задавал вопросов, когда ему щедро платили: ни прежде, когда он с дружиной отца Трюггера ходил в походы, ни сейчас, когда он целыми днями курил трубку верхом на старой бочке у ворот конюшни. Прикрыв за Эурой и её маленьким сопровождающим ворота, он, вернулся на место, мурлыкая себе под нос песенку и прикидывая сколько пива можно купить на внезапно свалившееся богатство.

Старый Снерхольм стоял на опушке. Со всех сторон его чёрной стеной окружал лес.

– Прямо, – улыбнулся гоблинец, обнажая острые жёлтые зубы. Он стянул мешавший капюшон. – Терррорк показать дорогу к шаману.

– Я знаю, – раздражённо отозвалась Эура.

Гоблинец никак не мог устроиться на лошади, елозил в седле, задевая вывернутыми назад коленками стремяна. От него тащило шерстью и вином. Длинные зелёные уши, торчащие по бокам чуть сплюснутой головы, порванные и унизанные медным кольцами, тряслись перед её носом. Маленькое гоблинское сердце трепетало от счастья: его накормили и напоили, и в стойбище он въедет верхом, как уважаемый и знатный господин. Собственная лошадь всегда была для Терррорка недостижимым предметом роскоши, символом богатства и объектом вожделения и страсти. В своих тайных гоблинских мечтах он покупал белоснежного коня и торжественно появлялся на нем перед изумлёнными сородичами.

– Неа, – погрозил пальцем ночной темноте гоблинец, когда Эура уже собралась свернуть на знакомой развилке. – Шаман переехать. Терррорк перетаскивать его шатёр. На старом месте плохо. В горах снег выпал: олени спуститься ниже, гоблины спуститься ниже, тролли спуститься ниже.

– Олени у отца гуляют и завтра собираются на охоту.

– О! Тролли славно поужинать завтра. Ням-ням.

– Тролли не поужинают! Нам не нужны проблемы.

Гоблинец хмыкнул и замолчал. Терррорк захмелел, укачиваемый ровным шагом лошади. Он дремал, приоткрыв правый глаз, опёршись спиной об Эуру, словно о спинку кресла. Лошадь осторожно ступала по тёмной лесной тропинке, мелко вздрагивая от волчьего воя, раздававшегося неподалёку.

– Волчколюди на деревню нападать, – флегматично заметил гоблинец, мотнув головой вправо на очередной развилке. Тропа, едва заметная в снегу, исчезла, свернув за валежник.

– Сегодня полнолуние. Им сложно прятать свою натуру.

– Не только им, – хихикнул гоблинец.

– Ты лучше скажи куда дальше. Я не знаю этой дороги.

– Прямо.... Если не знать, куда идти – иди прямо... – философски заметил гоблинец.

– Тут дорога заканчивается: дальше сугробы, бурелом и кусты.

– Хде? – Резко мотнул головой гоблинец, едва не заехав в глаз краем уха.

– Везде!

– А... Прямо.

– Терррорк, прямо мы не проедем! Может быть, ты пешочком проскачешь, но я на лошади – нет. Мы увязнем в снегу, сделав пару шагов.

– Доверять, Терррорку, человеческая женщина. – Глубокомысленно произнёс гоблинец, поднимая палец.

Он неловко сполз с лошади, плюхнувшись рядом с кучей присыпанных снегом веток, принялся, по-звериному морща острый нос, и вытянулся. Убедившись, что никого подозрительного рядом нет, он снял с плеча мешок и принялся в нем капаться, бормоча что-то под нос на родном языке. Эура молча ждала, поминутно озираясь по сторонам: волчий вой слышался все ближе, и испуганный конь, чувствуя опасность, бил копытом, мелко вздрагивал и тряс гривой. Хруст ломающихся под звериными лапами веток, звучал в лесной чаще подобно арбалетным выстрелам. Наконец, гоблинец вытащил маленький неприметный мешочек, сгрёб раскиданное барахло обратно в сумку, и, закинув её за спину, замер. Бросив хитрый взгляд на Эуру, он развязал мешочек и потряс. На ладонь упали три чёрные блестящие костяшки, в каждой из которых была пробита маленькая дырочка и привязан чёрный шнурок, заканчивавшийся бронзовым грузиком. Шнурки маленькими змейками оплетали камни. Ласково погладив камешки шершавой ладонью, гоблинец аккуратно размотал шнурки; взяв их за длинные хвосты, отошёл; прищулив глаз, прицелился и запустил один из камней в крону старой ольхи. Камень пролетел над головой Эуры, зацепился за ветку, и, повис, маятником раскачиваясь под лёгкими порывами ночного ветерка. Второй камень гоблинец закопал в снег среди голых кустов малинника, привязав конец шнурка к колючей ветке. Третий – был спрятан в корнях старой сосны. Когда камни заняли свои места, Терррорк достал из-за пазухи деревянный, потемневший от времени жезл, в вершину которого был вставлен матовый царапанный камень. Рукоять жезла лоснилась от жира, а в прожилках деревянных листьев, державших камень, скопилась грязь. Поймав спиной заинтересованный взгляд, гоблинец обернулся, хмыкнул, потёр лапкой камень и что-то тихо прошептал, прикрывая рот ладонью. Камень вспыхнул и засиял ровным тусклым светом, едва рассеивая ночную мглу. Птицы разбуженные яркой вспышкой, поднялись с веток и недовольно крича закружили над поляной. Три камня замерцали во мгле, и перед Эурой разверзся голубой зев портала. Переливаясь и вспыхивая кобальтовыми всполохами, воронка загудела, словно растревоженный улей.

– Быстро внутрь, – приказал Терррорк, опасливо поглядывая по сторонам. – Я иди следом. Волшебные ворота закрыться сами, а камни Терррорк подобрать на обратном пути.

Эура согласно кивнула и прищипорила лошадь, но упрямое животное стояло на месте. В кустах скрипнул снег, и зажглись янтарные огоньки.

– Волчколюди... – Испуганно прошептал гоблинец, по-звериному прижимая уши к голове.

– Вижу. Лошадь упирается, – сквозь зубы процедила Эура, замахиваясь кнутом. Девушка ударила, но лошадь не шелохнулась. Заворожённое мерцающим порталом, животное, не мигая, смотрело в голубую воронку. Оборотни же, почуяв добычу, стягивались к поляне. Огни их глаз все чаще вспыхивали среди голых сосен. Снег скрипел под тяжёлыми лапами.

– Оставь лошадку, госпожа. Отец твой богатый, он подарить тебе новую, – взмолился гоблинец. – Луна выйти из-за туч, и мы стать мёртвыми, совсем мёртвыми, а мёртвым лошадь не надо!

Леденящий душу вой возвестил начало охоты.

– Пропави ты пропадом, упрямая скотина! – Рывнула Эура, спрыгнув с лошади. Подхватив сумку, она нырнула в портал.

Терррорк крутанулся на месте, очерчивая жезлом круг. Навершие накалилось, и кобальтовое пламя короной взвилось над ним. Голубая стена отгородила портал, упрямую лошадь и маленького гоблина от внешнего мира. Волки видя, что добыча ускользает, рванули вперёд, замерев перед внезапно возникшей преградой. Звери плотным кольцом окружили гоблинца: их сдерживала лишь полупрозрачная, гудящая стена пламени, отгородившая такую близкую и такую желанную добычу.

– Ну, мёртвым лошади не нужны, а живым гоблинцам очень, очень пригодятся! – Проговорил гоблинец, ударяя раскаленным навершием по лошадиному крупу. Животное, заржав от боли, бросилось в портал, следом юркнул Терррорк. Голубая воронка беззвучно схлопнулась за его спиной, а через мгновение исчезла и магическая стена.

Эура очутилась перед воротами гоблинского стойбища. Позади неё шумели сосны, и где-то вдалеке раздавался протяжный вой. От леса стойбище отделяла широкая полоса с торчащими из-под снега кривыми пеньками и чёрные зубья частокола, над которыми в свете луны можно было разглядеть дозорные вышки. Над воротами высилась трёхэтажная башня с камышовой крышей, на шпиле которой, болталась выцветшая тряпка, в лучшие времена служившая знаменем клана. В надвратной башне горел огонь и слышался стук деревяшек: после ужина стража резалась в кости.

Набрав снега, Эура слепила снежок и кинула в закрытые ставни. Стук костяшек прекратился, ставня распахнулась и в окно второго этажа высунулась клыкастая морда.

– Че надо? – Гаркнул гоблинец, прищуривая единственный глаз.

– Эура из Снерхольма, к шаману! – Рывкнула Эура. – Открывай ворота!

– Терррорк должен идти с тобой! Где этот прохвост? – В окно высунулась вторая морда.

– Не знаю, – пожал плечами Эура. – Он открыл портал и велел идти.

– Опять свалить куда-то, плут, – донеслось из башни.

– Ему лишь бы от работы отлынивать, да с людьми шляться! – Поддержал говорившего первый гоблинец.

– Позор нашему роду: уродить бездельника и дармоеда. Не хотеть ни копёе держать, ни охотиться, ни купцов грабить, ни золото у драконов таскать! Дармод! Зря только кормим! Пользы с гулькинос, а съедает за двоих!

– Да... Выгнать его и дело с концом...

– Мне-то что делать? – Прервала перепалку Эура.

– Здесь сидеть. – Рывкнул одноглазый гоблинец. – Без Терррорка не пустить. Нам Хооре велеть: выпустить одного, а впустить двух.

– Так вы меня впустите, а Терррорк позже подойдёт.

– Человек один в лагере: плохо, очень плохо. Может ты стащить что-нибудь или нагадить, откуда же мы знать? Набедокурить, а мы отвечать.

– Нет, не надо нам такого, не надо. Ты детишек пугать!

– Да ваши женщины и дети сами кого хочешь, напугают. Открывайте ворота! Я много раз была у шамана, и со мной никогда не было проблем.

– То было тогда, а сейчас – это не тогда, а сейчас.

– Тогда пусть меня проводят.

– Пост покидать нельзя! Начальник ругаться! Совсем ругаться! – Отрезал одноглазый охранник и скрылся в окне, хлопнув вместо прощания ставней.

– Может волчколоуди напасть или орки. Или горные тролли... Нет, не можем покинуть пост, никак не можем. Ждать своего Терррорка. – Добавил второй охранник.

– Не надо ждать. Здесь Терррорк.

Эура вздрогнула. Гоблинец выскочил из ночной мглы, словно кукла из-за ширмы в ярмарочном балаганчике. От гоблинца пахло полыньёю и мятой. Тяжёлый винный запах исчез, словно и не бывало.

– Волки ням-ням лошадку, – скорбно покачал ушастой головой гоблинец. – Эй, а вы что, заснуть?! Поднимать свои задницы и открывать посланнику Великого Шамана! – Заорал Терррорк и забарабанил по воротам. – Поторапливаться, лентяи! Терррорк спешить! Шаман не будет ждать: если у него кончиться терпение, он сварить из вас суп, кости скормить собакам, а бульон вылить в выгребную яму!

Воистину имя шамана творило чудеса: стража кинулась открывать ворота, бормоча под нос проклятья.

Несмотря на то, что солнце давно село, стойбище жило своей жизнью. В тёмных проулках слышалась грызня гоблинских собачек, деливших остатки ужина. Собаки были сильны, выносливы и вечно голодны, отчего устраивали свару из-за каждой кости, которую удалось стащить со стола или отобрать у ребёнка. Те же, кто не участвовал в дележе добычи, спали на снегу у входов в гоблинские жилища, положив острые морды на длинные худые лапы. Они недоверчиво косились на проходящую мимо Эуру. Гоблинские жилища, покрытые лапником землянки, зарывшиеся в снег по самую крышу, сгрудились кучками из трёх-четырёх строений беспорядочно разбросанными по лагерю. У входа в каждый дом стоял закопанный в снег факел, а на двери висел маленький колокольчик – ловец духов. Истинное назначение этих предметов Эура представляла смутно: гоблинцы хорошо видели в темноте, а мёртвых предков почитали в особо отведённых местах. Терррорк же объяснял просто: гоблинцам нравились серебряные колокольчики и огонь.

Встреченные по пути молодые гоблинцы, завидев девушку, или замирали, прищуривая жёлтые глаза, или скалились, обнажая жёлтые треугольные зубы и отводя назад уши, или сразу же исчезали между домами. Взрослые гоблинцы не обращали на неё никакого внимания. Эура была частым гостем в лагере. К ней привыкли: её больше не ощупывали, не обнюхивали, как при первом появлении, не теребили одежду, не осматривали оружие и не пытались залезть в сумку. Для обитателей лагеря Эура не была союзником, не была и врагом: просто случайно прохожей, заглянувшей на огонёк. Ей, не задумываясь, перерезали бы горло, если бы на то был приказ старейшин или шамана.

Сегодня то ли в честь полнолуния, то ли в честь одного из многочисленных праздников улицы были полны народу: старые гоблинцы сидели у разбросанных по лагерю костров. Закутавшись в грубые домотканые палантины, они курили трубки, шёпотом переговариваясь на своём языке. На Площади Собраний пожилой крепкий гоблин в алых шароварах стучал в барабан костяной колотушкой из берцовой кости. Татуировки проступали на худом жилистом торсе сквозь редкую шерсть. При каждом ударе он резко вскидывал голову. Седой чуб на его бритом черепе взметался ввысь, и отблески огня вспыхивали на золотых колечках, продетых в дыры по краям длинных рваных ушей. Молодёжь радостно прыгала рядом, высоко поднимая колени, и подскакивая, словно ужаленные. Сами гоблинцы называли эти прыжки и ужимки танцами, но как были не похожи эти звериные телодвижения на медленные неспешные придворные танцы или деревенские хороводы.

– Терррорк не хуже танцевать, – хвастливо заметил гоблинец.

Эура растерянно кивнула. Что-то пугающее было в звериных плясках.

Дорога к шаману тянулась от ворот через Площадь Собраний, амбары и жилые постройки, центральные улицы и казармы, рынок и мастерские, одним словом, через все стойбище. Сам шаман жил в пещере, там, где лагерь примыкал к утёсу. Двор его, огороженный крепким забором с собачьими черепами, отделяла от остальных построек полоса земли триста футов шириной. Летом она зарастала сорной травой, а зимой её покрывала толстая шуба снега,

державшаяся до поздней весны. К шатру для приёма гостей, стоявшему у входа в пещеру вела широкая утоптанная тропа. Оставив Эуру ждать, Терррорк скрылся за пологом.

В этой части стойбища было тихо. Неспешно плыла по небу жёлтая, словно блин, луна. Заунывно пели свои песни волки. Чадили факелы у входа, сплёвывая на снег чёрную жижу. Едва слышно стучали деревянные амулеты о ветви Древа Рода. Дерево, корявое, с морщинистой корой, разбитое молнией на две половины, но все ещё живое, жалобно скрипело под лёгкими порывами ночного ветерка. Дриады, обитавшие в его кроне, вздыхали во сне.

Наконец Терррорк появился. Высунув голову из-под куска полосатой шерстяной материи служащей дверью, он кивком головы приказал следовать за ним.

В палатке в каменном очаге горел огонь. Шаман сидел на грубо сбитой дубовой скамеечке и помешивал беличьим хвостом бурую тягучую жидкость. Впустив девушку, Терррорк выскочил прочь, пообещав явиться по первому зову.

– Садись, – проговорил шаман, указывая на свёрнутое вчетверо шерстяное одеяло, лежащее рядом с ним.

Эура послушно села, подобрав под себя ноги.

Минуты тянулись, словно густой мёд. Шаман молчал, сосредоточенно возя кистью по стенкам глиняного сосуда. Рядом стояли блюда с травами, кореньями, сушёными грибами, подтаявшими от жара очага ягодами, обугленными мышиными трупиками и чем-то кишашим, похожим на червей. В углу Эура заметила плетёную клетку со змеей. В палатке было натоплено, и гадина, мучаясь от зимней бессонницы, лениво шевелилась, скребя чешуёй об ивовые прутья. До полуночи было далеко, и шаман не торопясь готовил свои зелья. От вони, аромата, запаха гари, дыма, поднимавшегося над очагом резало глаза.

– В КаулютМаа, значит, собралась, – наконец прервал он молчание.

– Нет, просто на север.

– Просто на север. . . . Просто север – это горы: для прохода туда тебе хватить деревянного медальона с тотемом нашего Клана. Ты платишь за проход через ТрайЕлоссу!

– По горным перевалам хочу пройтись, охотничью удачу испытать, – гнула свою линию девушка. – А печать, открывающую врата ТрайЕлоссы, я на всякий случай просила. В горах может всякое случиться.

– Ущелий и перевалов хватить и здесь, а к ТрайЕлоссе случайно не попасть. Туда ведёт только одна дорога – через речку Киттеру и перевал Орлов. В тех землях мало дичи: все чуют смрад КаулютМаа и бежать оттуда.

– Зря беспокоишься, Хооре, не поеду я туда. У меня и карты-то нет.

– Не лгать старому Хооре, женщина! Ты и Матиас убить тролля. Это пришлый тролль, не наш. Тролль соглядатай, он прийти из-за гор, у него ты найти карты. Ты затеять недоброе, Эура, – неодобрительно покачал головой шаман. – Ты внести плату за проход через ТрайЕлоссу: если ты захочешь, шаман вернуть все деньги, все до последнего золотого.

– Нет.

– Время ещё есть. Подумай.

– Нет.

– Ну, тогда сидеть и слушать. Может боги осветить твой тёмный ум моими словами. КаулютМаа – страна мертвецов. Давно-давно наш клан жить по ту сторону гор. Я не могу сказать плохо или хорошо: мы охотиться, воевать, растить маленьких гоблинов и молиться. Я плохо помню те времена. Я быть маленький. Очень маленький. Но я помню, как все измениться. Глупые люди поссориться с драконами и мёртвые выползти из земли. Люди испугаться огордить свои земли магией. Мой клан бежать от беды, но мы сохранить Право Перехода в наши старые земли.

– Ты хочешь сказать, что по ту сторону гор только пустыня и живые мертвецы?

– Я не знать правды. Может быть, люди-маги справиться с мёртвыми, а может нет... Я знать только одно: мой клан больше не вернуться в те земли. Земли, где мёртвые ходить, словно живые, а живые забыть своих богов и предков – прокляты. Нам там нет места.

– То есть, там живут люди?

– Из КаулютМаа сбежать даже гоблинцы, а ты говорить о людях! Не пытайся попасть в те земли, Эура.

Девушка молчала, опустив голову.

– Я могу обмануть тебя, сказать, что боги открыли судьбу, что я заглянуть в шар предсказаний и видеть волю небес. Я мог врать, что боги против твоя затея, – продолжал шаман, размешивая зелье. Голос его тихий и строгий наполнял палатку, вместе с дымом уносился в небеса сквозь оконце надо очагом. – Старый Хооре быть честен с тобой: я никогда не уметь предсказать будущее и гадать по чайной гуще или кишкам свиньи. Шаманом меня называть за другое: я уметь строить цепи в своей голове.... Цепи из событий, поступков, желаний и помыслов. Они помогать мне угадывать. Я просто видеть чуть дальше своего носа. То, что я видеть про тебя, мне очень не нравится. Я видеть: ты наделать много глупостей. Я не могу отказать тебе, но пока есть время, и серебряная Селена не встать над моим домом, я хотеть спросить ещё раз: «Эура, дочь Наместника Трюггера, ты хотеть купить ключ от ТрайЕлоссы, Право на Переход в КаулютМаа?»

– Да.

– Снимать одежду. – Голос шамана стал ледяным. – Шкуру твою слегка подпорчу.

Эура подчинилась, поспешно скинув рубашку и куртку.

Шаман надел перчатки и осторожно вытащил из очага раскалённый нож, отчего в воздухе завоняло палёной кожей. Обмакнув кончик толстого лезвия в плошку с зелёной жижей, он начал водить остриём по оголённому плечу. Раскалённое лезвие, едва касаясь фарфоровой девичьей кожи, оставляло багровый кровоточащий след.

– Я наложить две печати и замок. Первая печать исчезнуть, когда ты пройти через ворота на ту сторону. Вторая – когда вернуться в Предгорья. Замок пропасть, когда исчезнуть обе печати, – объяснял шаман, старательно выводя на плече круглую розетку из листьев клевера. Внутри розетки улыбалась клыкастая морда с гривой курчавых волос, отдалённо похожая на львиную. Закончив вырезать голову на правом предплечье, он смазал кровоточащий рисунок снадобьем и положил нож в очаг. Затем, он вытащил из огня второй нож и принялся тонким лезвием наносить узор на тыльной стороне ладоней. Орнамент из листьев, завитушек и полевых цветов покрыл руки бурой вязью. Там, где элементы соединялись или переходили один в другой, сочилась сукровица. Если же шаман, увлечшись, нажимал чуть сильнее, набухала кровавая капля.

– Твои люди не оценить мою работу, – грустно покачал головой шаман. – Им не понравиться узор.

– Придётся носить перчатки, – сквозь зубы процедила Эура. Губы её, стиснутые от боли, побелели и высохли. Они едва сдерживалась, чтобы не заорать, но шаман продолжать вырезать на коже причудливый узор, оставляя коричневую дорожку шрама. Наконец, он вернул нож в огонь и придиричиво окинул взглядом работу.

– До утра можешь оставаться в лагере. Как только солнце вставать, Терррорк проводить тебя. Да хранить тебя людские боги... и мать наша, Морриган, – добавил он.

Эура накинула куртку и встала. Покачиваясь на одеревеневших ногах, она вышла из палатки. Только когда полог закрылся за ней, она беззвучно зарыдала и рухнула на снег. Холод унял боль. Снег, касаясь кожи, таял, кровавыми ручейками стекая с татуировок. За Право Прохода в КаулютМаа нужно было платить. Платить золотом. Платить болью. Девушка вытерла лицо снегом и подняла глаза. Ничего не изменилось: все те же холодные звезды и огромная луна висящая над шатром.

– За мной идти, женщина человека, – недовольно скомандовал Терррорк, вылезший из шатра. – Нечего пачкать гнилой кровью двор.

Тряпка, пахнувшая травами, упала рядом с Эурой, оставляя в сугробе бурый след. Эура вытерла руки: шрамы зашипало, но кровь перестала капать, запёкшись на краях ранок.

– Быстрей, – потребовал гоблинец. – Не стоит привлекать запахом своей крови волчководов.

– Лагерь хорошо укреплён, – устало заметила Эура.

– Луна делать их глупыми и злыми. Не стоит дёргать судьбу за усы, – скривился гоблинец, недовольно морща нос.

В подтверждении его слов, в отдалении завыл волк. Его песню поддержали несколько голосов.

– Быстро, – потребовал гоблинец откидывая полог палатки. Эура встала и, накинув на плечи куртку, и побрела за ним.

В палатке было все так же жарко. Шаман давно скрылся в своей пещере, слуги утащили его добро и клетку со змеей. Остался только запахи кожи и крови, смешавшиеся с ароматом снадобий. У огня валялись одеяла и её сумка, заботливо застёгнутая на две застёжки, хотя Эура помнила, что застёгивала только на одну. Рядом лежал свёрнутый, перевязанный ремнём тюфяк, кусок чистой белой материи и рубаха. Кое-как перевязав предплечье и кисти, девушка оделась и села у костра. Все это время Терррорк внимательно разглядывал её.

– За такую, как ты, можно было получить золото.... много золота....

Эура грустно улыбнулась.

– А что, теперь меньше предложат?

– А кому теперь нужна? Шкура у тебя теперь порченная, как у захребетника.

– Терррорк, расскажи, что там за горами? – Не унималась Эура.

– Шаман разве не рассказывать? Шаман все, что нужно тебе рассказать. Шаман старый и мудрый, а Терррорк маленький и глупый. Он не рассказать больше шамана, никак не рассказать.

– Ничего не рассказал, Хооре. Только пугал.

– Вот и я ничего не рассказать.

– А я тебе золото дам, – усмехнулась Эура. – За все же надо платить, так ведь?

– Терррорк не брать золото.

– Я тебя не первый день знаю, – прищурилась Эура. – Мы вместе ходили на оленей, мы курили трубку мира, я доставала в деревне игрушки для твоих племянников и бусы для твоих женщин. Раньше ж брал и не брезговал.

Под её взглядом гоблинец съёжился.

– Терррорк?

Гоблинец молчал, все больше превращаясь в лесного ежа.

– Поклянись, что ты не сдать Терррорка, – наконец сдался гоблинец – Поклянись людскими богами и предками, что молчать будешь, если пытать тебя.

– Клянусь, – подняла ладонь Эура.

Терррорк оглянулся, прислушался, наострив уши.

– Продать тебя Шаман, – тихо проговорил он.

– Как продал? Кому?

– Ты глупая. Думать: убила тролля, тряпки и шкуру взять и все. Приходить к нам чужие. Спрашивать. Вынюхивать. Узнавать, кто тролля завалить. На шамана ты не ругаться. Если бы шаман не сказать, кто-нибудь другой бы рассказать: Матиас всем о тролле разболтать.

– Кто приходил?

– Хозяин.... Хозяин тролля.

– Кто он? Человек, гоблин?

– Орк захребетник. Террорк его лица не видеть, видеть только когтистую лапу. Пальца на ней не было. Эура может не бояться: орки не идти в Снерхольм. Орки не любить людей: орков прийти мало, а людей в Снерхольме много. Орки в лесу засаду не делать. Орки ждать на дорогах.

– А если я не пойду на север, передумаю...

– Шаман их о том же спросить. Орк ответить, что не его, шамана, дело.

– Орк был один?

– Я видеть одного, – ответил гоблинец, доставая трубку. – Орки – не орлы, они не летать по одному. Остальные дожидаться у Киттеры.

Трубка была знаком того, что серьёзный разговор окончен. В ответ на вопросы гоблинец молчал, пуская сизые колечки из трубки, или что-то бормотал под нос на гоблинском.

Ужин в Снерхольме был в самом разгаре: гости веселились, шут тряс бубенчиками, медведь танцевал, менестрели пели, и вино текло рекой. Только хозяева поместья были не веселы.

– Аурика, милая, – корил жену Трюггер. – Ты слишком строга к дочери: у девочки просто тяжёлый характер.

– Характер?! – Фыркнула женщина. – Ты называешь спесь и дерзость характером? Это все ты и твой братец, покойный Одвар, да пирует его душа в чертогах Морриган, избаловали. Это ты ей во всем потакал, вместо того, чтобы выпороть!

– Аурика, ласточка моя, ты не права! – Мягко ответил наместник.

– Давай не будем выносить домашние склоки на люди и обсудим это позже, – отрезала Аурика, не переставая улыбаться сидящим рядом гостям. – Довольно она мне крови попортила за сегодня. Пусть посидит и подумает.

– Мама, может быть, действительно отец прав и тебе пора сменить гнев на милость? – Заметил сидящий рядом парень. – Да, Эура бывает резка, но она всего лишь по-своему хотела нас предупредить, что охота нынче опасна. К тому же, мы ставим в неприятное положение хорошего человека, благородного господина Хайдгера. Видишь, как он погрузился, когда ты отправила Эуру в опочивальню. А человек он действительно хороший: родственник короля, старший сын Фрерберна Могучего, владетель земель к северу от столицы, и король доверяет ему как самому себе.

– Генри, солнце моё, ты хочешь вернуть гадюку в наше болотце, – отмахнулась Аурика. – Ты готов расплатиться за последствие? Эура не признает авторитетов, чинов, и правил. Она, скорее всего, даже не поняла, за что я её наказала.

– Она забавна, – пожал плечами парень. – И королю она понравилась.

– Забавна? – Вскинула бровь Аурика.

– Ну мама.. К тому же Хайдгеру она понравилась.

– Хорошо, Генри, – сдалась Аурика. – Скажи сестре, что мы простили ей неразумные слова. Но запомни: ты отвечаешь головой, за все, что она вытворит сегодняшним вечером.

– Я схожу за ней, мама, – улыбнулся Генри. Лишь уголок его губ дёрнулся, на мгновение превращая улыбку в усмешку.

Как Эура отличалась от тихих младших сестёр, так и тихий Генри отличался от старших братьев. Порою Аурике казалось, что шаманка была всё-таки права, предсказав ей рождение сына. А может быть старая карга, вмешавшись в дела богов, что-то напутала. Именно из-за этой ошибки непоседливая, болтающаяся по окрестным горам Эура оказалась заточенной в женском теле, а домосед Генри, проводящий все время за книжками, мужском.

Тем временем, обогнув галдящую толпу родственников, что заняли места поближе к королю, Генри подошёл к дальнему концу стола, где Хайдгер продолжал предаваться чревоугодию, погружившись во вселенскую печаль.

– Господин Хайдгер, как хорошо, что Вас нашёл! – Вежливо проговорил парень. – Меня зовут Генри, я сын наместника и брат госпожи Эуры.

– И? – Хайдгер изрядно осоловел. Ум его стал медленным и тягучим, словно смола. Мысли, дёрнувшись, застревали в нем, словно неосторожные мошки.

– Вы обидели мою сестру.

– И? – Хайдгер залпом осушил кубок и потребовал ещё у пробежавшего рядом слуги.

– Вы хотели извиниться!

– Я? – Усмехнулся Хайдгер, вытирая рукавом небритый подбородок.

Если бы мужчина не был пьян, он бы заметил, как брезгливое выражение на миг мелькнуло на лице Генри.

– Да именно Вы. Вы, благородный господин, чьи великие предки занимают самые почётные места за пиршественным столом в чертогах Морриган; храбрый воин, о чьих подвигах слагают песни; мудрый полководец, на чьей мудрости учат молодое поколение, так?

– Несомненно!

– А моя сестрёнка – просто взбалмошная девица, – продолжал Генри. – Ну как же Вы, такой мудрый и уважаемый человек, не извинитесь. Нет, я не прошу Вас падать на колени и прилюдно признавать свою вину. Мы же с вами знаем, кто на самом деле не прав, – подмигнул Генри.

– Сладко стелешь, парнишка, да жёстко спать. Ступай ты лучше лесом, парень. Поищи другого дурака.

– Вы на охоту хотите? – Поджал губы Генри. – Старшие братья, Арво, Эверт и Кнутти не поведут в лес без Эуры. Только она знает тропы.

– Так сестрица твоя сказала, что нет в лесу дичи.

– Врёт она. Сегодня кабанов привезли целые сани. Эура отходчива. Помиритесь с ней, и Вы будете всю жизнь вспоминать охоту в здешних лесах.

– Хорошо, уговорил ты меня, – рывком вставая с лавки.

Сказители и песнопевцы с грохотом попадали, словно спелые яблоки с обломившейся ветки.

– Следуйте за мной, господин, – учтиво поклонился Генри и направился к выходу. Слуги, сновавшие с подносами и корзинами, пропускали сына Трюггера. Хайдгеру же приходилось пробивать проход локтями, уворачиваясь от блюд.

На лестнице они неожиданно столкнулись с Метхильд. Нянька спускалась, напевая весёлую песенку. Щеки её покраснелись от вина.

– Куда это ты собрался, Лисёнок? – Грозно спросила женщина, перегораживая дорогу.

– По делу, – уклончиво ответил Генри, пытаясь проскользнуть мимо, но лестница, ведущая в женские покои, была узка для двоих, тем более для троих, а необъятная Метхильд просто закрывала её всю.

– В женскую половину? По делу? – Прищурила глаз Метхильд.

– Мать просит Эуру спуститься: гости без неё скучают.

– Так подожди здесь. Я сама за ней схожу.

– Э.. Метхильд, у нас деликатное дело. Господин Хайдгер был бестактен сегодня и хочет принести извинения.

– Пусть приносит, – пожала пухлыми плечами женщина. – Я сейчас её позову.

– Видишь ли, Метхильд. Тут шумно, народ ходит, а извинения подобного рода благородные господа приносят в тишине. Всё-таки он сын брата короля, ну ты меня понимаешь.

– На женской половине дома?! – Всплеснула руками женщина.

– Я, как брат, буду рядом.

– А если она не причесана или, не приведи боги, не одета? Сраму-то будет! О чем ты только думал?! Я иду с вами!

– Не стоит, Метхильд. Мы сами справимся.

– Я иду с вами! – Угрожающе повторила женщина.

– Хорошо, хорошо, – сдался Генри.

Метхильд единственный человек в Снерхольме, перечить которому боялся даже Генри.

– Вот и ладушки, – уже миролюбиво проворковала Метхильд, разворачиваясь.

Комната Эуры находилась прямо у лестницы, в начале длинного коридора огибавшего этаж длинной змеей. Остановившись перед дверью воспитанницы, Метхильд тихонько постучала. Тишина. С лестницы доносились едва различимые звуки застолья.

– Поздно вы. Спит Эура.

– Тихо что-то, – проговорил Генри, припав ухом к замочной скважине.

– Она что, храпеть должна, как сонный тролль? – Усмехнулась Метхильд. – Или стонать как медведица? Спит она, как мышка, как и положено благородной госпоже.

При упоминании о медведице уши Генри стали пунцовыми. Бирной или «медвежонком» звали девушку, с которой Эура застала их накануне в конюшне. Конечно, Эура поклялась ничего не рассказывать ни отцу, ни родителям его невесты, но слухи ползли по поместью.

Мимолётное чувство неловкости, однако, не помешало Генри заглянуть в замочную скважину. Луна освещала комнату желтоватым тусклым светом: одежда валялась на стуле, и перина была чуть приподнята.

– Эура, дочка, ты спишь? – Громко спросила няня, но фигура на кровати даже не шевельнулась.

– Может, действительно спит? – Задумчиво протянул Генри. – Она сегодня с братьями на охоту ездила. Может, устала?

– С братьями? – Усмехнулся Хайдгер. – Ты же тоже, вроде бы, брат?

– Не господское это дело по лесам шататься. В Снерхольме дел хватает.

– Не нравится мне это. Слишком тихо, да и тянет из комнаты, словно окно открыто. Как бы ни случилось чего... – Покачала головой Метхильд. – Эура, доченька, открывай дверь.

– Ключи есть? – Глухо спросил Хайдгер.

Медовуха, которой в дороге угостил наместник, была знатной, а вино за столом было ещё лучше, но мешать два огненных напитка было ошибкой, и теперь стук в дверь гулко отдавал в голове, а лестница медленно уплывала из-под ватных ногами.

– Нету, нету ключей. Только у госпожи Эуры есть, – развела руками женщина.

– Тогда ломать надо.

– А что госпожа Эура скажет? – Обеспокоенно спросила Метхильд.

– Ничего не скажет. Волновались мы: вдруг ей не хорошо, – проговорил Генри, ковыряя узким ножом в замке. – Хороший замок: не открывается, – раздражённо заметил он, когда лезвие, обломившись, осталось внутри. Он опёрся о дверь плечом: косяк скрипнул, но устоял.

– Отойди, малец, – усмехнулся Хайдгер.

Отодвинув Генри, мужчина навалился на дверь. Петли жалобно заскрипели, и дверь рухнула внутрь вместе с Хайдгером. Тело, лежащее на кровати, не шелохнулось. Выхватив обломанный стилет, Генри бросился к кровати. Метхильд, закрыв лицо руками, истошно завизжала. Кинжал, пронзив шелковую ткань перина, застрял между досками кровати. Перья порванных подушек белыми хлопьями разлетелись по комнате. Хайдгер, быстро трезвея, вытер вспотевший лоб.

– Сбежала, чертовка, – засмеялся Генри.

Перья, медленно кружась в воздухе, оседали на кровати, столешнице, сундуке, лавках и полках с мешочками и склянками.

– Я соберу людей, выедем немедленно.

– Не стоит: сегодня полнолуние, – махнул рукой Генри. – Эура в чем-то права: наши леса кишат всякими тварями, а в полнолуние они особенно опасны. От лунного света у них кипит кровь, и несчастные, проклятые богами, создания теряют разум и страх.

– А твоя сестра? Как она там?

– Эура не так глупа, как о ней думают окружающие: у неё свои тропы и схроны. Сидит где-нибудь в безопасном месте и пьёт горячий глинтвейн. Утром, когда дороги будут не опасны, она вернётся в Снерхольм и, как ни в чем не бывало, будет раздражать всех своими шутками.

– Леди Аурика будет в ярости, – покачала головой Метхильд.

– Не сомневаюсь. Не думаю, что на этот раз проказы сойдут моей дорогой сестрёнке с рук. Эура давно нарывается на серьёзные неприятности. Кстати, господин Хайдгер, вы не женаты?

– Как-то не успел.

– После сегодняшней выходки отец отдаст её с очень большим приданым. Ну, Вы меня понимаете...

– И даже не смотря на проклятье, – добавила Метхильд, но тут же осеклась, поймав взгляд Генри.

– Какое ещё проклятье?

– Метхильд приукрашивает. В этих местах есть старый обычай: сразу после рождения носить ребёнка к ведьме у озера. Понимаете, господин Хайдгер, у нас на севере народ тёмный, вот и верят в приметы. Ведунья кидает кости, курит траву и предсказывает судьбу младенца. Правда матушка умудрилась с ней поругаться, и поэтому Эура – последняя, кого таскали к ведунье. Но, определённо, будущее ей нагадали хорошее.

– Будущее, – усмехнулся Хайдгер, сдувая лёгкое пёрышко, sewшее на кожаный наруч. – Я доложу обо всем королю, – проговорил он, разворачиваясь к двери.

– Кажется, история с проклятием была лишней, – задумчиво произнесла Метхильд, когда стук удаляющихся шагов растворился в шуме пира.

– Лишний? Ты чуть все не испортила! – Скривился Генри.

– Может да, а может и нет. – Хитрая улыбка заиграла на её пухлых губах.

Эура лежала, свернувшись калачиком на соломенном тюфяке, когда щелчок прозвучавший набатом в её голове, вырвал из объятий сна. В шатре было темно и накурено. Горел очаг, так как гоблинец подбрасывал хворост из большой вязанки, сваленной в углу. Пламя нехотя забирало сырые ветки и облизывало их алыми язычками, превращая в серую золу. Террорк лежал около очага, растянувшись на спине, и пускал колечки дыма из длинной, в четверть его роста, трубки. Сизые колечки плыли по шатру, медленно растворяясь в пропахшем травами воздухе.

Щелчок, разбудивший её, означал, что кровать её потревожили, а, значит, дома её ждут разгневанные родители.

– Спи, человеческая женщина, – лениво произнёс Террорк, затягиваясь. – Утро развеять старые страхи и печали и создать новые. Так всегда говорить шаман, и Террорк ему верить. Террорк всегда слушать шамана: шаман умный, он прожить долгую жизнь. Если хочешь жить долго: надо слушать шамана.

Эура устало кивнула и зарылась с головой в шерстяное одеяло. Сон снова навалился, едва её голова коснулась свёрнутой куртки, заменившей подушку.

Утром девушку растолкал Террорк. Запинаясь и коверкая слова, он объяснил, что шаман велел проводить её до поместья, и так как гоблинцу ну очень не хотелось попадаться

на глаза страже, им стоило выйти пораньше. Девушка негнушима перебинтованными пальцами зашнуровывала сапоги, Терррорк торопил. Когда Эура наконец собралась, он потребовал, чтобы девушка протянула вперёд руки и положила ладони на раскрытую сторону доски, на которой гоблины играли в нарды длинными зимними вечерами. Прежде, чем Эура успела произнести хоть слово, он с грохотом закрыл доску, хлопнув по пальцам второй частью крышки. Пропитавшая бинты адская смесь из земли, крови, глины и зелья затвердел за ночь. После удара она зеленоватым порошком осыпалась на шкуры, обнажая украшенные аккуратной терракотовой татуировкой пальцы и кисти рук. Не было ни ссадин, ни кровоподтёков, ни отёка: лишь мягкая бледная кожа и бурый ажурный рисунок из листьев, кос и причудливых зверей.

– Хорошая работа, – с гордостью заметил Терррорк, словно это он, а не шаман вырезал узор на девичьих руках.

Край небесного светила уже алел над лесом, а луна нехотя плыла к горизонту, растворяясь в безоблачном синем небе. Снег хрустел, обещая солнечный морозный денёк.

– Не рано?

Эура вылезла из палатки и натянула перчатки.

– В нужный час, – ответил Терррорк.

Закрыв за собой полог, гоблинец заботливо присыпал нижний край снегом, чтобы холодный воздух не проникал внутрь. Затем, он долго кланялся увешанным яркими лентами Древу Рода, чьи ветви, словно скрюченные чёрные руки, тянулись в небо. Он бил низкие поклоны, шепча на своём языке слова благодарности, подталкивая Эуру к выходу. Наконец, когда они оказались за частоколом, он сделал пасс руками, словно закрывая невидимые ворота, и засемянил в сторону дозорных вышек. Молча, они миновали ворота и углубились в лес. Когда лагерь остался далеко позади, гоблинец достал знакомые камни и жезл. Когда артефакты заняли положенное место, снова гулко загудел сиреневый мерцающий зев. Терррорк сразу нырнул внутрь. Не дожидаясь приглашения, Эура прыгнула за ним.

Девушка приземлилась на снег утопанный волчьими лапами. Терррорк чуть подвинул лежащий камень и портал тихо схлопнулся, словно водяной пузырь на поверхности лужи.

– Всю ночь караулить нас.

Терррорк поморщился от запаха сырой волчьей шерсти.

– Рассвет их спугнул, – кивнула Эура, рассматривая следы. Судя по отпечаткам лап, звери были в два раза крупнее обычных волков.

– Идём. Терррорк ведать короткую тропу.

Гоблинцы знали эти леса лучше людей, зимой хоронившихся за оградой поселений, а летом боявшихся лишней раз высунуться за околицу после наступления сумерек. Гоблинцы не боялись ничего. Охраняемые древними договорами и узам многолетнего и не всегда мирного, но соседства с другими нелюдями, они чувствовали себя маленькими хозяевами в Предгорьях. Да, нелюди недолюбливали друг друга, но открытой вражды дело доходило редко, ограничиваясь единичными стычками. Люди... Люди другое дело. Они люто ненавидели всех, кто хоть как-то отличается от них. Они готовы были уничтожить поселения нелюдей до последнего старика и ребёнка. Нелюди платили им той же монетой.

Тропинка, которой вёл девушку Терррорк, подходила для ребёнка лет семи или гоблинца. Невысокой Эуре приходилось идти согнувшись, ныряя под еловые ветки. Утро постепенно вступало в свои права: просыпались первые птицы, весёлые белки шныряли в верхушках сосен. Оборотни давно скрылись в лесу, чтобы в полумраке чащи разделить ночную.

Внезапно деревья перед ними расступились, и они оказались у стен Снерхольма. Свет заливал деревянные постройки, а над берёзами с криком кружились вороны.

– Терррорк дальше не идти, – буркнул гоблинец и скрылся в чаще.

– Удачи, – только и успела попрощаться Эура. Лишь ветки можжевельника качались там, где ещё мгновение назад маленький гоблинец ковырял носком сапога усеянный иголками снег.

Утренняя тишина окутала поместье. Зажмурившись от яркого солнца, Эура шагнула вперёд. Не таясь, отперла неприметную калитку своим ключом и вошла внутрь. Поместье казалось безлюдным и тихим. Дворовый пёс, дремлющий у ворот, недовольно поднял голову при её появлении, но увидев знакомую фигуру, гавкнул под нос и снова свернулся калачиком.

Все дороги в королевстве ведут через столицу, все дороги в Снерхольме вели через Тронную залу, залу приёмов и пиров, залу наказаний преступников и залу чествования героев, залу суда, залу расплаты и помилования, залу тихих семейных ужинов и залу шумных праздников. Все дороги в Снерхольме вели через Тронную залу.

– Эура где ты была? – Властный женский голос окликнул её, многократно отразившись в высоких сводах.

Зал казался девушке мешком, в котором сквозь прорехи окон било утреннее солнце. Собираясь в центре, лучи чертили круг, высвечивая герб рода, вырезанный на серых камнях. Стены со шпалерами, развешанные под потолком флаги, стоящие по краям столы и прочая мебель, все тонуло в полумраке.

– У меня были дела, – спокойно ответила Эура, выходя на середину светового столба.

Её ждали. Отец сидел на месте для благородных гостей. Рядом, опершись о его плечо, стояла мать, уже причесанная и строгая. На резном стуле, щурясь от солнечного луча, бывшего сквозь щель в незакрытой двери, сидел король.

– Благородная госпожа, Вы исчезает вечером, а возвращаетесь под утро. Ваша мать глаз не сомкнула, волнуясь за Вас. Извольте объяснить своё поведение, – потребовал король, подавив зевок.

– Ночь была трудна и тревожна. Вы, кажется, собирались на охоту, господин Риквид? Я все объясню на охоте.

– Эура, мы очень беспокоимся за тебя, – произнёс Трюггер, стараясь не смотреть на жену. Он с удовольствием поговорил бы с непутёвой дочерью без свидетелей, ограничился формальным обещанием посадить в следующий раз под замок или запретить ехать на ярмарку.

– Ради этого стоило врываться в мою комнату?

– Нам пришлось выбить дверь, – виновато проговорил отец. – Ты не отзывалась, но потом и вовсе выяснилось, что ты исчезла.

– Я закажу новую, – пожала плечами Эура.

Неловкая тишина повисла в воздухе.

– Ну уж нет. Довольно! – Голос Аурики громыхал. – Я больше не потерплю такого в своём доме. Ты всю ночь где-то шляешься, приходишь под утро и делаешь вид, что ничего не произошло. Я требую объяснений здесь и сейчас. Эуриста, такое поведение позволительно служанке, но не дочери Наместника!

– Я охотилась, – устало ответила девушка, делая шаг в сторону лестницы, но путь ей преградил стражник.

– Эура, я запрещаю тебе покидать замок до весны. И ещё... Лорд Хайдгер просил твоей руки.

– Ты не посмеешь!

Эура медленно подошла к столу. Снег, таявший на сапогах, оставлял на полу сырую дорожку.

– Ты не отдашь меня ему, – зло проговорила она, ткнув пальцем в Хайдгера безучастно стоящего рядом с королём. Хайдгер перехватил руку. Эура дёрнулась, пытаясь освободить

зажатое запястье. Перчатка сползла, обнажая белоснежную кожу и гоблинский узел в перекрестье вен. В полумраке татуировка зажглась тусклым голубоватым светом.

– Это что такое? – Изумлённо проговори Хайдгер.

– Пройдёт до следующего полнолуния, – огрызнулась Эура, вырывая перчатку и рук изумлённого начальника стражи.

– Эура покажи руки, – потребовала Аурика.

– Зачем? Не думаю, что творчество маленького народца кому-либо интересно.

– Я хочу, чтобы твой отец видел! – Женщина встала и подошла к Эуре. – Я хочу, чтобы все видели. до чего докатилась моя дочь!

Аурика залепила дочери пощёчину. Багровый след запылал на щеке. Эура отшатнулась и медленно, словно во сне, сняла перчатки, обнажая кисти рук.

– Мне не за что стыдиться, мама, – проговорила она сквозь зубы. – Я не крала, не лгала, не убивала невинных. Да, я живу по своим законам, но я не мешаю жить вам. Я никогда не лезла в вашу жизнь, не ломала ваши устои, соблюдала обычаи, но видимо зря... Стены Снерхольма слишком тесны для меня. Я ухожу.

Девушка развернулась и медленно пошла к выходу.

– Господин Хайдгер, Вы получите вдвое больше обещанного, если вы женитесь на моей дочери до конца это недели. – Прошептала Аурика, поджав губы.

Хайдгер усмехнулся.

– Госпожа, вы сегодня необыкновенно щедры.

– На всякий случай смею заметить, – зевая, добавил Генри, когда со двора раздался лязг оружия и свист стрел. – Эура, скорее всего, направится к охотничьей заимке, что к северу от Снерхольма. Вам показать дорогу, господин Хайдгер?

Резвая кобылка, взбивая копытами снег, уносила прочь от ненавистного дома. Охотничьи собаки следовали по пятам. Рог трубил, возвещая о начале королевской охоте. Эура петляла, путая следы, словно заяц, почуявший погоню. Нужно было добраться до Матиаса, взять деньги, зелья и провиант, а дальше... дальше все в руках богинь судьбы... Может быть, спрячется в лесах, схоронится на дальних заставах или у нелюдей. Нет, к нелюдям идти было нельзя: за пригоршню серебряных монет гоблинцы продадут её, словно торговка на базаре толстого поросёнка, а после будут долго рассказывать соплеменникам, привирая и смакуя подробности. Да и в трактир идти было нельзя: люди продадут ещё быстрее. Оставался последний путь: через ворота ТрайЕлоссы пробраться в КаулютМаа, и здравствуй новая жизнь.

Избушка Матиаса, окружённая ровным частоколом, вынырнула из лесного оврага. Над трубой вился дымок, и пахло горячим хлебом. Девственно чистый снег толстой шубой покрывал двор, завалинку и поленницу дров, лишь у крыльца виднелись крупные волчьи следы.

Соскочив с лошади, Эура забарабанила в дверь.

– Кого ещё притащило в такую рань?

Из-за крепкой двери показалась взъерошенная кучерявая белобрысая голова.

– Матиас, мне нужны зелья, вяленое мясо и провиант.

– С ума что ли сошла в такую рань ломиться! – Матиас протёр заспанные глаза пудовым кулаком.

– Я ушла из дома.

Эура рванула дверь на себя, но Матиас преградил ей путь.

– Ко мне нельзя. Гости у меня, – объяснил Матиас, густо краснея.

– Никак женщину завёл. Я бы тебя сейчас расспросила, кто она и откуда, но, извини, спешу. Так что там насчёт денег?

– Денег нет. Есть только еда.

– Ты нашёл покупателя на шкуру?

– Да, будет завтра. Это человек из свиты короля, если тебе интересно.

– Вот и замечательно: отдавай мою долю, и шкура твоя уже сегодня.

– Сказал же, денег нет. Он задатка даже не оставил, сказал что завтра все выплатит сразу, но ты не волнуйся: я сразу заметил, что мужик он серьёзный и при деньгах.

– Матиас, я не шучу.

Эура рванула дверь и ввалилась внутрь. В углу на широкой лавке, кутаясь в шерстяное цветастое одеяло, сидело голубоглазое белокурое создание больше похожее на цветочного эльфа, чем на человека. Эфемерное создание испуганно хлопало пушистыми белесыми ресницами, натягивая до подбородка одеяло.

– Скажешь кому хоть слово, прибыю, – пригрозил Матиас, закрывая за собой дверь. – Продам шкуру, стану богатым человеком и пойду свататься, как положено: с подарками и в новой одежде.

– Матиас, ты умом повредился? Её отец тебя никогда не примет. Мельник богатый человек, а ты кто: сын прачки и разорившегося торгаша. Не смей людей, найди себе нормальную бабу, – фыркнула Эура. – Да чтоб вас леший сожрал, – выругалась она, когда со двора донёсся стук копыт и людские голоса.

– Наверх, быстро! – Скомандовал Матиас.

Эура белкой взобралась по столбу, державшему высокую крышу, и вжалась в деревянную перекладину. Матиас едва успел спрятать возлюбленную за печкой, как дверь с шумом распахнулась, и в избу ввалилось семеро: Хайдгер, Генри и пятеро наёмников из свиты короля.

– День добрый, господин. За шкуркой, приехали? – Поклонился Матиас.

– Где девушка? – Вместо приветствия рявкнул Хайдгер.

– Какая девушка? – Переспросил Матиас, поёживаясь на холоде. Из приоткрытой двери дуло, и парню было зябко в латаных подштанниках.

– Эура, сестрёнка моя старшая, – проговорил Генри, осматриваясь. – Во дворе мы видели лошадь, на которой она выехала из поместья.

– Не видел я никого. Только вот встал, господин Генри. Всю ночь оборотни в округе рыскали: спать не давали. Луна нынче совсем дурная.

– Врёшь, как дышишь, подлец, – бросил Генри. – Обыскать дом! – Лениво приказал он людям Хайдгера.

Наёмники в сомнении переглянулись. Хайдгер чуть кивнул головой, и они принялись обшаривать углы, переворачивать сундуки, вороша одежду и заглядывая в крынки, словно девушка превратилась в крысу.

– А что обыскивать-то? – Обеспокоенно спросил Матиас, стараясь не смотреть на печь. – У меня хозяйство маленькое: погреб, сарай, да сени. Запасов, и тех нет.

Его не удостоили ответом. Хайдгер стоял в дверях, опёршись о косяк, и безучастно наблюдал, как люди переворачивали дом. Генри ходил кругами. На миг парень поднял глаза. Взгляд его встретился с испуганным взглядом Эуры, Генри сразу опустил глаза, словно ничего не произошло.

– Не томи, охотник, – лениво зевнул Хайдгер. – Мы все равно её найдём, даже если для этого придётся разобрать твою убогую халупу по брёвнышку, а вот когда найдём, у тебя появятся проблемы: наместнику неприятно будет знать, что ты укрывал его дочь и мешал слугам короля, – заметил Хайдгер, отклеившись от косяка. Он спокойно, вразвалочку подошёл к охотнику, словно не Матиас, а он, Хайдгер, был здесь хозяином.

Матиас молчал, уставившись в пол.

– Интересно, есть ли у тебя разрешение на охоту: я видел беличьи шкурки во дворе, – по-волчьи оскалил зубы Хайдгер. Он небрежно вытащил нож, и приставил лезвие к груди Матиаса. Браконьерничаешь в господских лесах. Ай, ай, ай.

– Не знаю я ничего, и охотничьи грамоты у меня в порядке, – насупившись, соврал Матиас.

– Ну смотри, – ухмыльнулся он, пряча оружие в ножны болтающиеся у пояса, и сделал вид, что направляется к двери. Вдруг, он развернулся и ударил под дых. Не ожидавший нападения Матиас согнулся и рухнул на пол. За печкой ойкнули. Солдаты, потрошившие сундук, бросились к печи, и выволокли испуганную мельникову дочку. Перепачканная сажей и пылью, девушка зарыдала.

– Кто это тут у нас такой прелестный, – улыбнулся Хайдгер.

– Не трогайте её! – Несмотря на боль, Матиас проворно вскочил на ноги и размахнулся, чтобы ударить в ответ, но четверо дюжих охранников повисли на нем, словно матерые волкодавы на пойманном звере.

– Ну как теперь твоя память? А девушка то хорошенькая, – проговорил Хайдгер, трепля испуганную девушку за щёчку.

– Подполом ушла. Там лаз до реки, широкий. Зимой дороги замечает, за водой только им и хожу.

– Обыскать погреб. Дороги говоришь, замечает, – процедил сквозь зубы Хайдгер. – Тушки и шкурки звериные мимо пограничных застав и дозорных по реке возишь. От налогов королевских кроешься, подлец.

Солдаты оттащили стол и, свернув лежащую на пол оленью шкуру, обнаружили под ней деревянную крышку. Приложенная к ней складная лестница вела в просторный подпол.

– Лаз, господин. Мы нашли лаз, – прокричал один из стражников, зажигая факел.

Круглая опутанная корнями дыра зияла в глиняной стене прямо напротив входа. Она была достаточно широка для взрослого мужчины, но крупному Матиасу приходилось нагибаться.

– Ну смотри, если врёшь, – пригрозил Хайдгер спускаясь следом за своими людьми. Последним должен был спускаться Генри, но крышка случайно выпала из его рук, затворяя проход.

– Генри, что ты там копаешься? – Послышался недовольный окрик Хайдгера.

– Сейчас, сейчас, господин, – прошипел он, ударяя чугунком двух держащих Матиаса стражников.

Матиас добавил, и оглушённые наёмники рухнули на пол.

Эура кошкой спустилась вниз.

– Не благодари, сестрёнка, – прошептал Генри. – Бери вещи и вали.

– А с ними что будет? – Она кивнула головой в сторону Матиаса, прижимающего к груди рыдающую девушку.

– Даю слово, что позабочусь о них.

– Прощай брат.

– Прощай.

– Генри! – Послышался недовольный голос из-под земли. – Что у вас там происходит?

Охотник не лгал: лаз действительно вёл к реке, где под занесённой снегом лодкой были спрятаны лыжи и сани, но Хайдгер, заподозрив неладное, повернул людей не пройдя и четверти пути.

– Ушла.... – зло процедил Хайдгер. После полумрака подпола яркое солнце, заливающее двор перед избушкой Матиаса, слепило, и мужчина щурился, разглядывая свежую цепочку лошадиных следов уходящую в лес. – Что в той стороне?

– Лес духов... – Отозвался Генри, прижимая снег к правому глазу. Глаз стремительно заплывал, а под ним набухал синяк. – Дальше река и горы. Безлюдная местность: только звери и нелюди. Может, оставим эту глупую затею и вернёмся в Снерхольм, господин Хайдгер? Эура

хорошо знает эти места, мы до темноты пролазаем по оврагам и буреломам, пытаюсь её поймать.

– Я думаю, стоит обратиться за помощью к её другу, – усмехнулся Хайдгер, вставая коротечек.

Матиаса кинули перед мужчиной, словно тюфяк, бросив лицом вниз. Парень закашлял и попытался встать, но нога Хайдгера упиравшаяся в спину снова вдавила в снег.

– Времени у меня не много: я и так изрядно провозился с тобой. Куда направляется Эура?

– Я не знаю, господин, правда, не знаю, – простонал Матиас, сплёвывая снег. – Она мне не докладывает.

– Ты что-то не понял, мальчик. Один благородный родитель обещал мне её руку и сердце, а второй благородный родитель обещал солидное вознаграждение, если потороплюсь со свадьбой, и я очень разочаруюсь, если я получу меньше, чем мне обещано. Честно говоря, я ещё больше я расстроюсь, если совсем останусь без награды. В этом случае, чтобы как-то компенсировать свои душевные муки я возьму твою девушку. Извини, уж не знаю, как её зовут. Жениться я на ней вряд ли буду, но пару тройку ночей она мне скрасит.

– Вы не посмеете....

– Притащить девку.

– Не надо, я все скажу. Эура отправилась к Старому мосту. Там якобы начинается дорога на ТрайЕлоссу.

– Есть короткий путь?

– Нет, но у лошади слетела подкова, так что если поторопитесь, вы быстро нагоните.

– Понятливые у вас подданные, господин Генри. По коням!

Тропа выскочила из леса и у края обрыва свернула вправо, туда, где бурный поток, за столетия прорубивший в скалах ущелье, ворочал жернова мельницы. Две мраморные стелы, увенчанные снежными шапками, куски мрамора да разрушенные перила – все, что осталось от моста. Эура ещё раз взглянула на карту. На потрепанном клочке пергамента был чётко нарисован мост. Рука мастера подробно начертила мраморные пилоны, украшенные серыми знаками; кольца цепей, опоясавших опоры, и чашу похожую на конскую голову, висящую над мостом.

Эура спрятала карту в тубус и пришпорила лошадь, желая подъехать к обрыву, но животное отказалось следовать приказу. Нервно облизывая усатую морду, оно хрипело, втягивало ноздрями морозный воздух и мотало головой.

– Пошли, родная, – похлопала по шее Эура, пытаясь успокоить лошадь. – Неужели ты решила, что я заставляю тебя прыгать? Тут добрая тысяча футов или больше. Мы пройдем вдоль обрыва и найдём место, где можно спуститься.

Лошадь упрямо продолжала пятиться к лесу. Резкий щелчок раздался в кустах лещины окружавших поляну. Испугавшись громкого звука, лошадь встала на дыбы. Пытаясь удержаться в седле, Эура краем глаза заметила рослую фигуру, показавшуюся из-за сосны. В следующий миг арбалетный болт застрял в лошадиной шее по самое оперение. Кровь алым фонтанчиком хлынула из пробитой артерии. Обезумев от боли, лошадь рванула вперёд, Эура, вылетев из седла, скатилась в сугроб, едва не налетев на один из валунов, разбросанных у моста. Сделав и пару шагов, лошадь упала, заваливаясь на бок. Дёрнувшись в предсмертной судороге, животное затихло, окрасив багрянцем снег. Стрела воткнулась рядом с рукой Эуры... Тяжёлая стрела с оперением нездешних птиц.... Эура вскочила и быстро вытащила меч. Нападавшие больше не прятались. Они вышли из-за деревьев, морщась от солнечного света: четверо лучников в тяжёлых кожаных доспехах, плотной броней закрывающей тело и ноги. Рослые, на три головы выше Эуры. Свирепые, с звериными мордами, изуродованными шрамами, и торчащими между тонкими обветренными губами клыками. Рядом с лучниками сжимая в лапах топоры и кривые мечи с шипастой, словно кастет, гардой стояли пешие войны. Впереди выступало уродливое

существо в тёмном балахоне из грубой домотканой ткани наброшенном поверх брони. Голову существа венчал не шлем, а остроконечная шапочка с россыпью полудрагоценных камней. В руках, а вернее сказать лапах, существо держало узловатую палку с алым шаром, служившую посохом. Рядом с ним стоял, зажав в руках большой боевой топор, командир отряда.

«Орки», догадалась Эура.

– Ты убила моего тролля, – хрипло прорычал командир, поднимая ладонь. Вместо одного из пальцев торчал безобразный обрубок. – Ты умрёшь.

Девушка кинулась в сторону, уворачиваясь от арбалетных болтов. На счастье ей удалось укрыться за одним из валунов, разбросанных перед мостом. Она, было, потянулась за коротким луком, висящим за спиной, но сумка со стрелами, придавленная лошадью, так и осталась лежать на поляне. Эура выглянула из-за камня, и плечо обожгло огненным комком, сорвавшимся с пальцев шамана. Там, где огонь коснулся рукава, куртка мгновенно истлела, осыпавшись пеплом на снег. Бурая корка запеклась над татуировкой, и кожа пошла пузырями.

Орки медленно приближались. Стоило ей только высунуться из-за валуна, как рядом проносилась стрела, задевая опереньем щеку, или с низким гуденьем пролетал сгусток пламени. Ороuchi стрелы не ошибались, просто лучники ждали приказа стрелять на поражение, а командир медлил, подходил ближе, рассчитывая самому перерезать горло девушке. Внезапно из-за леса послышалось лошадиное ржание и залиvistый лай собак. Следы вывели Хайдгера и его людей к мосту. Орки развернулись, перестраиваясь для нападения. Видя, что по ней больше не стреляют, Эура на животе подползла к хрипящей лошади. Тяжело вздохнув, она всадила нож в лошадиную шею, перерезая нить жизни.

– Прости, – прошептала она.

Кровь брызнула, окропив мраморный пилон рубиновыми каплями. Эура вытерла нож о сухую траву, торчащую из-под снега, и срезала сумку, притороченную к седлу. Арбалетный болт воткнулся в снег, едва не попав в колено. Не собираясь искушать судьбу, Эура юркнула за ближайший камень.

Схватка была в самом разгаре. Орки теснили Хайдгера и его людей, зажимая всадников в кольцо. Те отчаянно отбивались. Казалось, все забыли о беглянке, но стоило только Эуре снова высунуться из укрытия, как в её сторону летела стрела или огненный шар.

Было ли то везение или божий промысел, но кровь, оросившая мрамор, разбудила силу, дремавшую в древних камнях. Пилоны замерцали зеленоватым светом, и древние знаки проступили на покрытом прожилками сером мраморе. Охваченные странной силой, камни пришли в движение. Дрожа, подпрыгивая, они возвращались на место, определённое рукой строителя. Они поднимались со дна ущелья, зависали в воздухе, снова становясь перилами, опорой или частью пилона. Там, где камня не хватало, место заполняла зелёная субстанция, принимая очертания потерянного фрагмента. Она же затекала в щели, связывая камни, словно волшебный цемент. Туман, поднявшийся из ущелья, сизой пеленой окутал мост. Недолго думая, Эура схватила сумку и побежала к мосту. Вслед ей неслись стрелы и проклятья на грубом незнакомом языке. Последнее, что она слышала, когда пелена поглотила её, были окрик орка и предсмертный человеческий стон. Туман поглотил звуки битвы.

Глава 2. Ничья земля

Девушка вынырнула на другом берегу обрыва. Перед ней рыжие горы вздымали вершины, покрытыми вековыми шапками снега. Пронизывающий до костей ветер, жалобно выл в окрестных скалах. С бирюзовых небес тёмным пятном падала птичья тень. Под ногами петляли поросшие чахлой травой узкие тропинки, уводящие прочь от моста: две расходились в стороны, а третья вела вперёд. Судя по карте, они разбегались на следующих развилках, опутывая долину рыжими венами, чтобы в конце соединиться у ворот. Девушка обернулась: в клубах тумана проступили сизые фигуры.

Эура спрятала за пазуху карту, взобралась на нависающий над тропой каменный козырёк, и затаилась, вжавшись в рыжую землю. Не прошло и пары минут, как орки беспорядочной толпой вывалились из тумана. Сгрудившись на маленьком пятачке перед мостом, они по-звериному принялись морщить плоские носы. Командир выдернул из земли пучок сухой травы и, что-то прорывав шаману, принялся оттирать кровь с зазубрин топора. Шаман глухо ответил, словно выдохнул слова из клыкастой пасти вместе с облачком пара. Орк недовольно рявкнул, отчитывая шамана. Что ему отвечал шаман, понять было сложно: орочьего Эура не знала, а на морде, морщинистой и свирепой, не отражались эмоции, словно шаман был куклой, уродливой клыкастой худой лысой куклой, замотанной в серый потрепанный балахон. Пока шаман и командир ругались, другие орки ждали, переминаясь с ноги на ногу. Иногда они рычали и трясли оружием, готовые снова броситься в бой. Орки чужды чужой запах, но свежая кровь, замёрзшая льдинками на топорах, перебивал аромат добычи, спрятавшейся в камнях у них под носом. Когда перепалка подошла к концу, командир достал из-за пазухи свёрнутый вчетверо кусок грубо выделанной кожи. Развернув его, орк ткнул длинным ногтем в перекрестие дорог. Сверху не было видно, куда попал палец, но то, что орк выбрал лёгкий и быстрый путь, Эура не сомневалась. Из всех возможных горных дорог орк действительно выбрал самый простой, лёгкий, безопасный и прямой путь. .... портал. Шаман, получив указания, фыркнул и неодобрительно покачал головой, но наткнувшись на свирепый взгляд командира, снял перчатки и вскинул лапы над дорогой, широко растопырив унизанные медными перстнями пальцы. Лиловый шар сорвался с когтей, чтобы зависнуть над пыльными камнями гудящим зевом портала. Командир перехватил поудобнее топор и первым провалился в открывшийся проход, лишь молнии заискрились на стальных наручах. Орки попрыгали за ним. Когда последний покинул площадку, зев с шумом схлопнулся, поднимая клубы пыли с камней.

Эура лежала, вжавшись в камни, а ветер сдувал с дороги рыжую пыль, замечая орочьи следы. Она ещё раз развернула свою карту: три дороги как в плохой сказке. Направо пойдёшь – голову потеряешь, налево пойдёшь – голову потеряешь, а прямо пойдёшь... тоже потеряешь голову. Орки будут караулить её у ворот. Они уже разбивают лагерь в ожидании того, что через денёк другой уставшая от опасностей, измотанная длинной дорогой, голодная жертва сама приползёт к ним в лагерь... или сдохнет в пути, а на её обглоданный зверьём труп укажут грифы. Людских поселений на карте не было, а путь назад был отрезан: как только камни, орошённые конской кровью, замёрзли, мост рухнул в пропасть.

Девушка перекинула через плечо сумку и пошла бодрым шагом по левой дороге, так как в отличие от двух других, на ней виднелись едва различимая колея.

Дорога была пуста: лишь торчащие зубьями валуны, да сухая трава. Даже снег не ложился на землю, застревая грязными клочками меж камней. К вечеру поднялась пурга. Ночевать Эура устроилась в одной из пещер, дырами зияющих в окрестных скалах. Разведя костёр из досок старой телеги и гнилого столба указателя, Эура сидела в глубине пещеры и слушала как поёт жалобную песню ветер, и вглядывалась в тени костра, пляшущие на каменных стенах. Стены пещеры до самого потолка покрывали рисунки. Одни были багряно-красными, другие

– оранжевыми, в цвет охры, третьи – чёрными, намалёванными сажей. Кое-где были видны отпечатки ладоней и странные бороздки. Видно ветер, непогода или дикие звери оставили их на камнях, испортив творения древних обитателей. Когда-то эту долину населяли люди: днём ей попадались заброшенные колодцы, стены домов с провалившимися от времени крышами, поломанные заборы. Люди давно покинули эти места, а нелюди почему-то избегали селиться на руинах. Нелюди... С наступлением ночи в горах раздавался рёв горных циклопов, призывающих рыком своих коз. Крики горных кошек на их фоне казались мяуканьем новорожденного котёнка. Чутье подсказывало, что в горах могли обитать существа и пострашнее.

Эура дремала. В пещере же было тихо и сытно, потрескивали полешки, и зеленоватая позёмка лёгкой дымкой ползла по полу. Или то были не поленья... Тихий шёпот и стук раздавались из глубины. Тень скользнула по разрисованным стенам пещеры. Эура быстро оглянулась: никого. Лишь отблески пламени и темнота, подступавшая плотным кольцом. Из глубин пещеры явственно слышался скрежет, словно где-то близко грызли зубами камни. Эура вытащила из костра горящую палку и сделала шаг в сторону, где звуки были особенно чётко слышны, но тут же отпрянула. На неё из темноты пещеры, перебирая костяшками пальцев, ползла человеческая рука. Тряпка, болтавшаяся на пожелтевших костях, была когда-то рукавом, роскошно вышитым рукавом. Сейчас обрывок истлевшей материи держался лишь на почерневшей от времени манжете. Хозяин руки стоял в отдалении, оперившись сгнившим плечом о стену. В пустых глазницах выбеленного дождями и временем черепа появились всполохи изумрудного пламени. Мертвец втягивал воздух остатками носа, словно гончая, пытаясь почуять добычу. Девушка медленно попятилась, сжимая горящую палку. Коленки её предательски дрожали. Рука приблизилась к ней, быстро перебирая пальцами, словно паук-сенокосец. Эура сделала шаг назад, и угли зашипели под каблуками сапог, зацадили, окутывая едким дымом и вонью палёной кожи. Эура выдернула ногу из костра, резкими движениями пытаясь стряхнуть угольки, а рука ринулась вперёд и вцепилась когтями в колено. Хозяин кинулся вперёд следом за ней. Эура едва успела выхватить клинок, но что сделает простая сталь против магической кости. Клинок лишь оставлял небольшие отметины, на торчащих рёбрах, срезая куски гнилой плоти. Огонь тоже был слабым помощником: мертвецы слепы. Дожди давно выели глаза, оставив чёрные глазницы в которых горел мёртвый огонь. Вслед за первым показались другие обитатели пещеры. Мертвецы, словно страшные куклы, шли вперёд покачиваясь из стороны в сторону, вытянув вперёд остатки рук. Растопырив худые пальцы с длинными пожелтевшими ногтями, они хватали воздух, пытаясь ухватить кусок живой плоти. Зубы их клацали в предвкушении добычи. Эура крутилась, выворачивая мёртвые суставы, ломая колени и пальцы, отбиваясь от рук, пытавшихся разорвать одежду. Мёртвые конечности падали рядом и пауками атаковали отдельно от тела. Одна из отрубленных рук вскарабкавшись по одежде, вцепилась в ладонь. Сквозь разодранную варежку просочилось голубоватое сияние. Нападавшие руки мерзкими насекомыми бросились врассыпную, стуча костями по каменному полу. Мертвец готовый нанести удар в нерешительности замер с поднятым над головой ржавым мечом. Другие просто отступили. Узоры на руке девушке беспокоили их, не давали приблизиться. Мертвецы сбились в кучу и стояли. Наконец один, клацнув зубами, шагнул вперёд, но Эура, быстро стянув варежку, протянула руку в его сторону, и он, скуля словно побитый пёс, отпрыгнул назад. Первый мертвец не унимался: очнувшись от морока, он стал обходить девушку, отрезая путь к выходу из пещеры. Медлить было нельзя: схватив горящую палку, Эура побежала прочь из страшной пещеры. Снаружи бушевала выюга. Сквозь снег и ветер проглядывали зелёные огоньки россыпью сиявшие из глубины пещер и тени человеческих фигур, худых человеческих фигур видневшиеся в руинах каменных построек вдоль дороги. Страх гнал её вперёд. Внезапно впереди сквозь снег и выюгу проступила одиноко стоящая башня. Повинуясь животному инстинкту, Эура побежала к ней. А позади уже ковыляла проклятая голодная толпа. Не помня себя от страха, девушка взлетела на верхний этаж, перепрыгивая через ступеньки старой вин-

товой лестницы. Только затворив тяжёлую дверь и завалив её остатками мебели, она рухнула на пол. Сердце бешено колотилось в груди. В дверь уже скреблись, ковыряя окованные железом доски грязными ногтями. Её быстро выследили по запаху плоти и крови... живой крови....

Девушка осмотрелась: маленькая неприметная коморка под самой крышей колокольни храма не раз спасала жизни. То, что Эура приняла за обломки мебели, оказалось сложенной поленницей дров. В углу валялся соломенный тюфяк, чуть припорошённый снегом, нанесённым ветром через щели в старых ставнях окна. С высоты колокольни город был виден, как на ладони: нарядный городишко, весь в россыпи зелёных огоньков, ручьями стекающими к башне, словно светлячки на тухляком пне. Город... был ли он когда-то городом? Эуре, испуганно взирающий на него из маленького окна, он казался кладбищем, а аккуратные домики – склепами. Даже с высоты колокольни, сквозь снег и выюгу можно было разглядеть белого змея, намалёванного на каждой двери странного поселения. Та же змея, флегматично глотающая свой хвост, была нарисована на карте, с той лишь маленькой разницей, что у змеи на карте были зелёные нефритовые глаза. А может, убегая от толпы мертвецов, продираясь сквозь пелену бури, Эура просто не заметила какого цвета глаза у змей безразлично взирающих на неё со стен разрушенных строений.

Присев на тюфяк, Эура отхлебнула вина из фляги. Метель пыталась оторвать ставни и кидала снег в щели. Ветка, которую она все ещё сжимала в руке, еле тлела, норовя погрузить комнату в полную темноту. Выбрав сухой уголок, Эура развела маленький костёр и, завернувшись в плащ. Вздрагивая от каждого шороха, она так и не могла сомкнуть глаза до утра.

Рассвет заставил мертвецов вернуться в могилы. Метель утихла. Город стоял тихий и чистый, словно невеста перед алтарём. Озираясь по сторонам, готовая снова кинуться в башню, Эура добрела до пещеры. Костёр был затоптан. Все ещё тлеющие угли беспорядочно валялись на полу. Отпечатки измазанных в саже босых стоп вели вглубь пещеры. Сумка была выпотрошена: застёжка выдрана, а солонина и сушёная рыба – исчезли. Собрав уцелевшее, Эура поспешила из города.

В обед её сморил сон и, спрятавшись среди камней, разбросанных вдоль дороги, она задремала на солнце. Проснувшись Эура от того, что кто-то толкал её в плечо. Она открыла глаз и, едва увернувшись от прицельного удара крепким клювом, вскочила. Большая, ростом с охотничью собаку птица, с лысой безобразной головой и алыми глазками пыталась стащить пряжку с плаща. Вторая пернатая разбойница вытаскивала из-под головы сумку. Внезапное пробуждение жертвы ограбления несколько не смутило лысую парочку. Они, щёлкая от негодованья клювом, шипя и растопырив крылья, прыжками удалились на безопасное расстояние.

– Прочь, – зло зашипела Эура, неловко замахиваясь. Плечо, затёкшее от долгого лежания на камнях, хрустнуло.

Солнце тем временем клонилось к закату. Запустив в птиц булыжником, Эура подобрала сумку и побрела по обочине, прячась за камнями. Одни боги знали, кто ещё ходил по этой дороге. Стоило только стуку копыт достигнуть уха, как Эура проворно нырнула за камень. Всадник, не заметив её, промчался мимо. Эура разглядела лишь коричневый плащ, из-под которого торчали прибитые к шлему коровьи рога. Чутье подсказывало, что не стоит окликать незнакомца. Когда всадник скрылся во мгле ранних сумерек, снова послышался стук копыт по мощённой булыжником дороге. Ещё несколько коней, несущих на себе рогатых всадников проскакали мимо. Судя по карте, дорога спускалась в долину, петляя через посёлки мёртвых.

Эура остановилась у перекрёстка. Следы копыт, отпечатавшиеся в рыжем от пыли снегу вели вправо, главная дорога – прямо, к видневшимся у горизонта чёрным крышам домишек, сиротливо прижимавшихся к подножью скалы, а перед нею у развилочного камня стоял трактир с наглухо закрытыми массивными воротами. Ветер гулял под остроконечными крышами каменных дозорных башен. На створках дверей кто-то нетрезвой рукой намалевал красной

краской корявую звезду в центре круга. Левый конец её был больше правого, верхний – коротковат.

Двери трактира гостеприимно распахнулись перед ней, но стоило только девушке войти, как они с шумом захлопнулись за её спиной. Эура оказалась в трактирном дворике. Стояла такая тишина, что было слышно, как на морозе скрипит снег и покачивается фонарь над дверью. Озираясь, Эура миновала двор, поднялась по крыльцу и постучала. Тишина была ей ответом. Эура толкнула дверь.

В большой зале, готовой вместить в себя добрую (или злую) сотню человек (или нелюдей) было пусто. Лишь в противоположном конце, повернувшись к двери спиной, стоял рослый трактирщик и монотонно протирал стаканы. Мужчина был из той породы людей, что спокойно гнули подковы руками, завязывали в узел кочергу и открывали глазом бутылки с вином. Мышцы бугрились под потёртой кожаной жилеткой.

– Эй, любезный! – Крикнула Эура, подходя к барной стойке. Она незаметно положила руку на рукоять меча. – Нет ли у тебя чего-нибудь выпить?

Трактирщик продолжал ожесточённо тереть бронзу грязной тряпкой. Его движения, тупые и механические, настораживали.

– Эй, любезный, – повторила Эура, оглядываясь по сторонам. – Не найдётся ли у тебя тёплой комнаты и горячего ужина? Плачу деньгами.

Трактирщик медленно повернулся. Зелёные глаза мёртвым огнём светились в тусклом свете свечей. Изуродованное лицо было мертвенно бледно, а на тонких губах застыла полуулыбка.

– Есть у нас комнаты: сухие, тёплые, только маленькие. – Глухо ответил он, не переставая натирать бронзовую ножку кубка.

Сердце Эуры рухнуло в пятки, пальцы сами сжали рукоять меча.

– Сдохни, мертвяк, – прошептала она, выхватывая оружие.

Мертвяк, проявив недюжую сноровку, увернулся. Полотенце с пудовыми бубенцами, привязанными к уголкам, брошенное трактирщиком, едва не задев голову девушки, повисло на люстре. Попади оно в висок, как метил трактирщик, и можно было спокойно идти ночевать в город: мертвяки своих не трогали. Перемахнув через стойку, Эура увернулась от удара дубинкой, припрятанной рядом с бочкой с вином. Второй раз дубина, едва не задев голову, приземлилась между двумя глиняными кружками. Перехватив руку на мгновение замешкавшегося трактирщика, она ударила под дых. Гостеприимный хозяин грохнулся на грязный пол.

– Забирай золото и уходи, – простонал он, хватаясь за живот. – Только не убивай.

– Ты живой?

– Живой, живой. Мортель жил, Мортель жив, и Мортель будет жить, коли будет на то воля богов.

– Что ж ты хрипишь?

– К проруби ходил, форель ловить: простудился, горло приболело.

– А лицо?

– Что лицо-то. – Обиделся Мортель. – Дурные люди кислотой плеснули: вот кожа и сошла, а восстановить – денег немалых стОит, да не каждый маг за лечение возьмётся.

– Извини, я думала: тут только мёртвые обитают, – виновато проговорила Эура, помогая мужчине подняться.

– Мёртвых хватает, – заметил Мортель, опираясь на её руку. – Да и живые, вроде тебя, сюда тоже забредают. Вина?

– Пожалуй, – согласилась Эура, убирая в ножны меч. Она обошла барную стойку и, кинув на пол сумку, устроилась на высоком деревянном табурете напротив Мортеля. – А супчик есть?

– Есть и супчик, – ухмыльнулся трактирщик, ставя перед девушкой дымящийся котелок.

– И не страшно здесь жить? Чуть дальше деревня с мёртвыми...

– Нет, – пожал плечами Мортель. Он достал из-под стойки глиняную бутылку с истёршейся бумажной этикеткой, вытащил зубами пробку и разлил вино по глиняным стаканам. – Мёртвые дальше околицы не вылезают: нельзя им далеко от могил отходить, а я к ним без особой нужды не суюсь. А вот если нужда заставит к мёртвым в гости попасть, то в любой деревне у меня место заветное есть. Ночь пересажу, а утром снова в путь. Здесь у нас тихо, не то, что на севере. Там мертвяки среди белого дня бродят, да и нежить сильнее: есть среди неупокоенных и колдуны, и жрецы, и костяные гончие и даже драконы, и те, чей разум ещё жив, а наши.... Наши так... злобные и тупые. Ты, часом, не с севера?

– Нет.

– Батюшки светы, с юга... И какого лешего тебя к нам занесло? Я такие деньги платил, чтоб через ТрайЕлоссу перебраться, а она сама на север подалась!

– Что у тебя с глазами?

– Не обращай внимания: стеклянные очи. И видишь в них лучше, и огнём сумеречным светят: тучу денег за них заезжему колдуну отдал.

– А почему ты дальше на юг не поехал, когда за перевал перебрался?

– А зачем? Здесь у меня трактирчик, доход и гости.

– И много гостей?

– Людей мало, чаще нелюди ездят.

– Орки?

– Не, орки дальше перевала не выбирают. Там у них лагерь свой и копи, на которых рабы руду добывают. Тут недалеко ведьмы живут. Они будущее видят, на костях гадают, а дорога к ним одна: через развилку и мой трактир. Это зимой у меня пустош, а летом народу, как дураков на ярмарке.

– А кроме орков здесь ещё кто-нибудь обитает?

– Тролли горные, гиганты, духи, кобольды в заброшенных шахтах... Гарпии, но они ближе к храму Тахо, болезной богини. Их местные жрецы разводят: как охрану и для удовольствия. Нравятся настоятельно эти птахи, да и женщин в здешних горах мало. Правда, сейчас они в тёмных пещерках спят. Зимой только мертвяки и шатаются, будь они неладны! Им все едино: что жара, что стужа. Была бы горячая кровь, да кусок мяса.

– А как они знают, что кровь горячая?

– Вот насмешила. Ты точно нездешняя. Чуют они тепло. И запахи чуют. Вот только слепы они, как землеройки и медлительны, потому что сухожилия истлели.

– А кто они, эти мёртвые?

– Народец местный. Жили они здесь много сотен лет назад, колдовали помаленьку, торговали, детей растили, овец пасли, да нашли они в пещере книгу особую. Прочитали её и обрели Силу магическую. Часть просветлённых на север подалась, а остальные – здесь остались. Обжились, драконов перебили. Нелюдей приструнили. Только ушедшие вернулись через несколько поколений с армией, уничтожили местных и Книгу забрали. И поклялся местный народец, что не будет никому покоя, пока Книгу на место не вернут.

– Занятная легенда.

– Занятная, говоришь. Это у вас, у южных, легенды всякие, сказки да прибаутки, а нам сочинять некогда, мы только правду рассказываем.

– То есть, если вернуть Книгу, все будет хорошо, и мёртвые опять будут спать спокойно?

– Если вернуть и закопать, где нашли, то да. Только вот кто тебе её отдаст-то? Живые-то давно её проворонили, мёртвым магам она досталась. Уж эти из своих костяных лап её никогда не выпустят. У нас же, как говорится, «что мертвецам досталось, то пропало». Знаешь, сколько золота они в своих могилках хранят?! Сколько вещей диковинных?! Сколько артефактов магических?!

– Так что ж не сходишь и не заберёшь?

– Дурак я что ли: мёртвых тревожить? Чтобы они каждый вечер под моими воротами торчали? И скрыться от них нельзя – везде найдут. Были умники, что хотели добро мёртвых к рукам прибрать, да только где они: сами свои могилки от чужих стерегут. А Мортель жив... Кстати о могилках.... Ты как Призрачный мост перешла?

– Какой такой мост?

– Тот, что ведёт из южных земель через Киттеру? Сама догадалась, как камни оживить, или подсказал кто?

– Само как-то все получилось, – уклончиво ответила Эура, потягивая крепкое домашнее вино из глиняной кружки. – Может и сделала чего-то, только я не помню. На разбойничью засаду нарвалась, коня подстрелили. Еле ноги унесла.

– У моста или чуть дальше? – задумчиво спросил Мортель.

– У моста.

Мортель почесал куцую бородку могучей волосатой рукой и отложил тряпку.

– Кто-то погиб в той передрыге?

– Я не знаю.

– Рассказывай что знаешь.

– Да ничего я не знаю... Лошадь подо мной подстрелили, может, и людей ранили.

– Конская кровь попала на камни, – задумчиво проговорил Мортель. – Ай да орки! Ай да твари! Я много лет хотел узнать, как они в южные земли через Киттеру перебираются, а ответ у меня под носом был! Мост-то местные раньше Хавонесильтой звали, Лошадиный Мост, дескать. Я ещё думал: чей-то он лошадиный? А вот оно что: орки духов моста кровью поили конской! Старый дурак! Я ещё много лет просил шаманов тайну открыть, так они такую цену заломили!

– А с чего ты решил, что тебе крови будет достаточно? Может мне колдовать пришлось? Или ключ у меня есть?

Мортель в ответ громко захохотал.

– Девочка, я здесь гостиницу держу дольше, чем ты по свету бродишь: колдунов, магов и прочую магическую шушеру за версту чую. Из тебя маг, как из облезлой кошки снежный барс. У тебя с собой нет ни артефактов, ни амулетов, ни свитков, ни грамот верительных от магических гильдий. Да у тебя даже палочки волшебной нет, что уж говорить о магическом посохе. К тому же ты с юга, а маги я скажу у вас не очень. Да и нет там просто-напросто магов.

– Зато у нас войны хорошие и охотники. Кстати, охотнику в здешних местах работы не найдётся?

– Тварьему богу молишься?

– Какому богу?

– Понятно. Для охотников у нас работы нет. Хотя.... У меня вот сестрёнка сбежала месяц назад, с заезжим торгашом: задурил девке голову коробейник проклятый, да и увёз с собой. Как жить дальше: не знаю. Пойдёшь ко мне работать хозяйкой? Деньгами не обижу, – подмигнул Мортель.

– Нет, – покачала головой Эура.

– Ты что так сразу отказываться, – обиделся Мортель. – Ты подумай, я тебе дело предлагаю. Ты сама долго в горах не протянешь. Тебя или дикие звери сожрут, или мертвяки на тот свет утянут, а у меня сухо и тепло, замки крепкие да защита магическая хорошая: ни одна нежить не сунется.

– Нет, Мортель спасибо за заботу. Мне одна дорога: на север. Ты б лучше мне комнату показал, где можно кости бросить, а то ночь в мёртвых посёлках меня вымотала.

Мортель выполз из-за стойки и, подволакивая правую ногу, побрёл к лестнице помпезной змеей извивающейся вокруг центральной колонны.

– На кладбище кости бросишь... вместе с желудком, – обернулся Мортель, опираясь о резные позолоченные перила. – Комнату тебе сейчас покажу. Как раз, на вечер приготовил. Вчера благородная госпожа по дороге к ведьмам останавливалась. Думал я, сегодня вернётся, а нет, у ведьм ночевать осталась.

Несмотря на то, что никого кроме Мортеля в таверне не было видно, бронзовые масляные светильники, развешенные через каждые двадцать шагов, ярко горели, освещая узкий коридор, обитый деревянными панелями, вереницу дверей с начищенными до блеска бронзовыми номерками, потёртый ковёр цвета гнилой вишни и мелкие пасторальные картинки в прямоугольных рамках.

– А что за госпожа?

– Не принято у нас спрашивать, если не рассказывают, да говорят жена самого Маркуса Чёрного Когтя, правителя земель по ту сторону от Врат!

При упоминании благородного имени Мортель благоговейно закатил глаза, словно господин Маркус был одним из множества богов, великим магом или святым.

– И что же нужно было такой благородной госпоже у ведьм?

– Ясно что. Наследника родить хочет, вот и пришла к костяным бабам за помощью.

– А к мужу своему обращаться не пребывала? – Усмехнулась Эура,

– Ты бы свой язычок за зубами попридержала, пока не оторвали, – огрызнулся Мортель. – Дело тёмное, слухи ходят разные, но напортачил где-то наш господин. Говорят, проклинали его. С тех пор ни одна из местных девушек не может родить ему сына.

– Так взял бы из неместных.

– А ты откуда такая умная взялась, – огрызнулся Мортель. – Взял уже. Жена господина Маркуса, говорят, откуда-то с севера. Поговаривают, неблагородных она кровей, простолюдинка, да с добрым сердцем. Только все напрасно, детей у них нет. Сколько магов привозили, кудесников всяких, да все без толку. Пришли. Вот твоя комната. Темновато, правда, но если хочешь, свечей ещё принесу.

Я много думала над этим.... Что было бы, если бы я уступила тогда, поступила иначе? Что было бы, если бы сломавшись под напором матери, впервые поднявшей на меня руку, согласилась принять предложение достойного Хайдгера? Что было бы, если бы я, испугавшись трудностей дороги, осталась у гостеприимного Мортеля. Что было бы.... У меня нет ответа на эти вопросы.

Маленькая комната на постоялом дворе, затерявшемся среди лысых горных вершин, казалась роскошными палатами после ночи в мёртвом городе. Откровенно сказать, это был лучший номер в таверне «Приют живого странника». Здесь были и большая кровать с резной спинкой украшенной изящными статуэтками человекоподобных крылатых и хвостатых существ, и трюмо с большим зеркалом и маленьким пуфиком, и ковёр, лежащий у камина. И не важно, что алый балдахин давно проела моль, а мелкие детали у фигурок отбили неаккуратные постояльцы; что все ещё пахнущее женскими духами трюмо покосилось, припадая на одну из кривых ножек, так и норовило свалиться на подпиравший его сундук; что засиженное мухами зеркало потемнело от времени и отражало лишь пыль; что бордовая парча на пуфике давно протёрлась, а некогда белоснежный ковёр пожелтел и стал похож на облезлого домашнего кота. Обстановку дополняли выцветшие гардины с потрепанными позолоченными кистями и стоявшая в углу ваза с бумажными лилиями. Но в комнате было тепло: в камине горел огонь, и сквозь плотно затворенные обитые сталью ставни не проникало ледяное дыхание зимы. Подперев для верности дверь стулом, девушка разделась и юркнула под одеяло. Почувствовав себя счастливым человеком, Эура быстро заснула, прижимаясь щекою к лежащим на подушке ножнам меча.

Эура проснулась так же быстро, как и заснула. Снизу слышался шум и недовольное бухтение Мортеля. Она быстро оделась и, схватив оружие, спустила вниз. В большом зале все так же чадили свечи. Мортель в накинутой на ночную рубашку кольчуге возился у двери. Неестественный бледный, холодный свет лился от серебряной звезды, приколоченной над дверью. Звезда мерцала, пульсировала, бросая пучки света на Мортеля и вязаный коврик, лежавший у двери.

– Ты что вскочила? – Недовольно проворчал Мортель, не оборачиваясь.

– Крики слышала.

– Показалось тебе. Мёртвые что-то шумят сегодня. Тебя ли чуют или после полнолуния не отошли...

В дверь заскреблись, царапая крепкие доски.

– Мыши, – пожал плечами Мортель, запирая дверь ещё на один засов.

– Откройте, – донёсся снаружи слабый человеческий голос. – Ради всех богов, откройте...

– Мортель, там живые!

– Нет там никого. Показалось. Мыши скребутся и ветер воет.

Истощенный крик раздался из-за двери.

– Открой дверь! – Потребовала Эура.

– Нет там никого! – Упрямылся Мортель.

– Я прошу по-хорошему. Открой дверь!

– Мёртвые чуют...

– Мёртвые не разговаривают! Открывай! – Приказала Эура, вынимая меч из ножен.

– Эх, путнички... – Крякнул Мортель. Резко развернувшись, он распрямился словно тугая арбалетная пружина. Белый мерцающий шарик размером не больше грецкого ореха, вылетев из его рук, приземлился перед Эурой. Девушку заволокло едким дымом. Дым обжёг глаза, защищал носоглотку. Руки и ноги онемели, и девушка кулём рухнула на пол. Перед глазами стояла едкая пелена, голова раскалывалась, но звуки, усиливаясь много крат, молотом били по голове. Она слышала мерзкий скрежет, крики умирающего, треск разрываемой плоти.

Эура очнулась от ледяного прикосновения к своему лицу. Мортель сидел на корточках, и вытирал ей лицо губкой смоченной в молоке.

– Погубить нас хотела! – Причитал трактирщик.

– Там... там человек... – Прохрипела Эура пытаясь встать на локтях, но тело плохо слушалось, и она повалилась на пол.

– Нет там никого, – ласково проговорил Мортель, помогая ей сесть. – Вот ведь, беспокойная!

– Я слышала... Мы должны были ему помочь, Мортель. Нам нужно было только открыть дверь.

– Мы бы все равно не успели. Ранили его в дороге. Он покусанный до нас добрался и мертвяков за собой привёл. У мёртвых – слюна ядовитая: если в кровь попадёт, на третью ночь сама мёртвой станешь или, как говорят образованные господа, «перейдёшь на ту сторону». Сдохнешь, короче.

– Он был живой... Его заживо сожрали...

– Мёртвый он был. Мёртвый... После первого укуса. Нет от этого ни лекарства, ни заклинания. Рождённый быть повешенным, не утонет. Судьба его такая.

– Я слышала.

– Ничего ты не слышала! – Разозлился Мортель. – Заклинанием у тебя разум помутило! За мертвеца не волнуйся, похороню, как следует, утром, чтобы около моей таверны не ходил. Ты молочко-то пей. Козье молочко лучше всех зелий: от всех хворей помогает. Мигом магии

ческую дрянь из тела вытянет. Як на тебя заклинание-то подействовало: сразу видно пришлая, не из КаулютМаа! Ты это.... Может, передумаешь, и не пойдёшь никуда: сама видишь, неспокойно у нас. Поживи у меня зимой, а к весне я новую хозяйку найду.

Девушка мотнула головой. Подобрав меч, она встала и, с трудом переставляя ватные ноги, побрела в свою комнату, волоча ножны. Заперев дверь, она рухнула на кровать, чтобы забыться сном, свинцовой тучей навалившимся на плечи и безвольное тело. Ей снились ворота, корчащийся в предсмертных муках человек без лица и зелёные немигающие горящие глаза, смотрящие из темноты.

Когда утром девушка спустилась вниз, дверь в таверну была распахнута настежь. Морозный воздух, врываясь в зал, раскачивал люстру и сметал клубки пыли с глиняных бутылок на полках за стойкой. Со двора тянуло гарью.

– А... Проснулась, спящая красавица, – весело улыбнулся трактирщик, протирая двери едким раствором. Стараясь не повредить серебряные полосы, прибитые по периметру тёмной окантовкой, и пентаграмму, он аккуратно стирал замёрзшую кровь с железа. Кровавые следы были оставлены низко над землёй, и ему приходилось нагибаться.

Во дворе ярко горел костёр. Хвосты алого пламени на сложенном из аккуратных брёвнышек помосте вздымались выше крыши крыльца. Холодный ветер, выхватывая из огня перепел, кидал грязно-серые хлопья на снег, пачкая нанесённые за ночь сугробы. Среди веток и мусора, девушка разглядела очертания чего-то, напоминающего куль с ветошью. Пламя монотонно жевало ткань, и она рассыпалась в серую пыль, оседая на чёрных углях. Среди тряпья торчала обугленная чёрная подошва нового армейского сапога. Носивший его, был мужчиной маленького роста, или юношей, только призванным на военную службу, служившим писарем или адъютантом. Мортель насвистывая детскую песенку, продолжал оттирать кровавые отпечатки с двери. Не желая смотреть на костёр, Эура опустила глаза. Под ногами в снегу что-то сверкнуло. Она подняла серебряную пуговицу с когтистой лапой на полированной поверхности. Рисунок был едва различим из-за бурого льда.

– Брось её! Сейчас же!

Кинув тряпку, Мортель кубарем скатился с лестницы и подскочил к девушке. Вырвав из рук пуговицу, он швырнул вещицу в костёр.

– Никогда, слышишь, никогда не бери ничего у мёртвых! Им и так покоя нет, хочешь, чтобы за вещами своими к тебе ходили?! – Заорал он. – Иди завтракать, каша стынет. – Добавил трактирщик, успокаиваясь. Убедившись, что пуговица исчезла среди золы и головешек, Мортель поковылял к крыльцу, подволакивая левую ногу.

Ели они молча. Эура хлебала разведённую крутым кипятком крупу, возя ложкой по глубокой миске, а Мортель просто молчал. После завтрака она положила на стол монеты и тихо ушла.

Вечером поднялась метель. Ветер завывал в дозорной башне. Ему вторили волчьи голоса с окрестных гор. На мгновение звезда над дверью в зале трактира ало вспыхнула. После в дверь заколотили. Трактирщик, протиравший стаканы, положил тряпицу, замер, сгорбился и щёлкнул пальцами с длинными острыми когтями.

Орки ввалились в зал шумной толпой. Заметив за стойкой старого гоблина, они направились к нему. Гоблин был стар, как окрестные скалы. В тусклом свете свечей обветренное изуродованное шрамами морщинистое лицо казалось ещё темнее и ещё старше. Седые жидкие волосы его были забраны в пучок и заколоты на затылке костью. Его высохшие, похожие на плети руки, торчали из козьей потрепанной тужурки, болтающейся на впалой татуированной груди.

– Здравствуй, Мортель, – пробасил командир на орочьём.

– И тебе не болеть, Вархвар. Добро пожаловать в мою скромную обитель. Что будете есть-пить?

Орк хрипло рассмеялся.

– Эля мне, а им, – он кивнул в сторону подчинённых рассаживающихся за ближайшим столом. – Им бормотухи позабористей, но чтоб голова не болела. Мне болезные завтра ни к чему.

– А благородному Сахвиру? – Мортель указал взглядом на шамана.

– Благородному? Ты совсем умом двинулся, старый. С людьми шашни водишь, вот и головой повредился. С какого боку он благородный? Бормотухи покрепче ему тащи. Да принеси еды. Проголодались мы. В горах сам знаешь: ни костёр не разведёшь, ни стоянку не разобьёшь. Чуют мёртвые нас. На нем амулетов, как на бабе бус в праздный день: нелюди нас за версту чувствуют...

Для убедительности, орк сдобрил конец фразы грубым ругательством, должным передавать, как именно чувствуют мертвецы шамана, а чувствовали они его хорошо.

– Мертвяки они такие... Такие мертвяки... – отозвался трактирщик.

Мортель ловко расставил стаканы с жутким пойлом, от одного запаха которого заслезелись глаза. Орки помогли ему водрузить на вертел мороженую баранью тушу, притащили чан с похлёбкой и бочку с соленьями. В завершении, гоблин достал три серебряных кубка. Аккуратно, стараясь не пролить драгоценный напиток, он разлил ароматный пахнувший корицей и яблоками глинтвейн из дымящегося котелка.

– За встречу, Вархвар, – проговорил гоблин, цепляя кубок тонкими длинными пальцами.

Они выпили. Гоблин, аккуратно держа кубок, смаковал напиток, а орки просто опрокинули кубки, будто перед ними стояли стаканы с дешёвым пойлом.

– Что же привело тебя ко мне сегодня, Вархвар. Ночлега искал али по делу?

– Девку потерял, – рявкнул орк. – Троля моего завалила, чтоб её шакалы погрызли! Глупый был, молодой. Купил его ещё тролленком, воспитывал, с рук кормил, а тут отвернулся: а с него уже шкуру сняли и продают! На первой же вылазке попался в капкан. Поймаю поганку, сам шкуру спущу! Жаль только, что много не дадут, но хоть затраты окуплю. Уже двоих ребят потерял, пока за ней по горам лазал! А свитков то, то, свитков! – Жаловался орк. – Думали, что пойдёт лёгкой тропой, день её у развилки караулили. Кто ж знал, что дурная баба через мёртвые посёлки потащится!

– А куда она направляется?

– Гоблинцы, говорили, что к воротам идёт, но мелочь поганая могла и соврать. Нам надо перехватить её до ворот, до того, как её увидит стража. От этих монахов совсем житья не стало: не смейте, говорят, осквернять кровью землю перед святыми вратами! Твари! – Орк смачно сплюнул на пол и отхлебнул ещё из кубка. – Эти трусы боятся, что кровь привлечёт мертвецов, нарушит какой-то там баланс, и мертвецы, как зараза, попадут за Хребет. Боятся, что местные не справятся, и у них будет здесь второй Арденн, и новая война мертвецов...

– Я всегда говорил, что не нужно трогать мёртвых.

– А мы что, трогали? Кто поднимал мертвецов из могил? Ты, Мортель? – Он ткнул пальцем в трактирщика. – Или может быть он? – Орк показал на шамана. – Это все люди! От них все беды! – Орк зло клацнул зубами и снова отхлебнул.

Его команда, сытно поужинав и выпив, азартно стучала костями по столу. Выигрывал пожилой лучник. Каждый раз, когда право хода переходило к нему, он аккуратно собирал кубики, складывая их в кожаный стакан, усердно тряс его, прищуривая правый глаз, затем быстро переворачивал, замирал на мгновение, и торжественно поднимал стакан, открывая кости, чтобы остальные, задыхаясь от возмущения, смогли пересчитать вырезанные на гладких гранях точки.

– Вот если я вдруг знаю кое-что или видел эту женщину? – Осторожно начал Мортель. – Что я получу взамен?

– Ты лучше спроси, что ты не получишь. Свистну, и моя братва спалит твою богадельню к троллячьей матери, если только узнаю, что ты что-то утаил от меня.

– Проезжала тут одна, – отвёл глаза Мортель, подливая вина. – Но что-то память меня подводит. Жизнь у меня тяжёлая, господин Вархвар. Тяжело мне, ой как тяжело. Я уже не молод хозяйство на себе тянуть, а тут ещё и сестрёнка у меня сбежала. Видите ли, ей тут скучно!

– Живка, что ли?

– Она самая. Свалила вертихвостка окаянная! Вот кто бы мне новую хозяйку нашёл...

– Понял, не дурак, – усмехнулся орк. – Будет тебе новая хозяйка, рассказывай...

– Вчера приходила, нездешняя, откуда-то с юга. Говорит, прошла через мёртвые посёлки. К воротам идёт. Плечо у неё перевязано, словно огнём опалило.

– На ладонях ничего не заметил?

– Перчатки она при мне не снимала.

– Какой дорогой она пошла?

– Той, что ведёт через перевал, с троллями.

– Отлично, Мортель. Перехватим её там. Не бойся, старый гоблин, за мной не заржавеет. Есть ещё новости хорошие для меня?

– Да какие новости, – махнул лапой Мортель. – Тихо у нас. Сам знаешь, у нас шумно только летом: то паломники подерутся, то караван ограбят, то гарпию для борделя из храма стащат. Каждый год одно и то же. А зимой... зимой тихо. Кто ж зимой в горы-то сунется.

– А дымом что во дворе пахло, жёг что ли кого?

– Мусор. Накопилось. Вот прибраться решил: все равно постояльцев нет.

– Мусор, – усмехнулся орк. – Человечий...

Гоблин криво усмехнулся и подлил в серебряные бокалы. Они ещё долго сидели и пили. Орк жаловался на потерю тролля, гоблин внимательно слушал его, поддакивал и подливал вино в бокалы.

Эура же коротала ночь в сугробе, спрятавшись от метели в крохотной расселине между камней. Она сидела, кутаясь в плащ, протягивая озябшие пальцы к едва горевшим веткам.

Нельзя прожить жизнь наполовину, пройти свой путь наполовину, любить наполовину, страдать наполовину... Вот умереть наполовину, как оказалось, можно. Что меня гнало прочь от родительского дома? Я много думала об этом после.... У меня нет ответа на этот вопрос. Почему люди совершают безумные поступки? Они просто не могут иначе.

Утро разогнало ночную мглу и успокоило метель. Костерок тлел в маленьком очаге из рыжих булыжников. Подбросив сухой травы, Эура зачерпнула в котелок снега, кинула кусок вяленой рыбы и поставила на огонь. Пока бульон закипал, обещая сытный завтрак, девушка спустилась к роднику. Ручей весело бежал по обледенелым камням из расселины в скале и бурным потоком срывался вниз в футах ста от истока, образуя водопад. Ниже по течению поток падал с обрыва в чашу бассейна, орошая брызгами статую богини, и уносился дальше по акведуку. От прекрасной статуи остались лишь босые ступни с аккуратными человеческими пальчиками на мраморном постаменте и полы одежд, что плавными складками переходили в ступени, ведущие к разбитому алтарю. У бассейна в скале были вырублены низкие скамейки, чтобы путники могли испытать прозрачной, как слеза, воды и поблагодарить неизвестную богиню.

Зачерпнув воду ладонью, девушка умыла лицо. Капли оцарапали обветренные щеки и инеем застыли на ресницах. Эура фыркнула и набрала ещё пригоршню. Вдруг вода в роднике потемнела. Блестящие масляные пятна поплыли по ручью. Эура подняла взгляд. На неё, не мигая, смотрели жёлтые глаза с вертикальными щёлочками зрачков. Из открытой пасти в ручей капала слюна. Принесённая селом каменная груда оказалась горной кошкой, притаившейся у родника. Прижав к камням пятнистое брюхо, животное готовилось к прыжку, сжавшись, словно часовая пружина. Заметив, что обнаружена, шестисот фунтовая кошка прижала уши к угловатой голове и оскалилась, обнажая клыки. Девушка попятилась, лихорадочно ища укрытие. Эура отступала, шаря глазами по сторонам, но рядом были лишь камни и обрыв. Наконец нервы девушки сдали, и она побежала. За спиной раздался грохот, словно обвалилась горная порода: прыгнув, кошка приземлилась за её спиной. Коснувшись земли, каменный хищник вновь взмыл в прыжке.

Внезапно рыжая почва ушла из-под ног. Ломая торчащие из стен колья, девушка провалилась в ловушку. Когда она оказалась на дне, сработал хитрый механизм и крышка захлопнулась. Зубы монстра клацнули, поймав лишь морозный воздух. Зверь обиженно зарычал, принюхался и задумчиво обошёл ловушку, пытаясь понять, куда исчез почти пойманный завтрак. Хищник попытался разрыть каменными лапами снег, но механизм крепко прижимал крышку. Лишь земля осыпалась, сползая ржавыми струйками на дно. Зажимая ладонью бок, Эура тихо лежала на длинных чешуйчатых чулках, оставшихся после змеиной линьки. Рядом валялись щитки когда-то покрывавшие морды рептилий и хвостовые погремушки. Наконец все стихло. Ушёл ли каменный кот или остался караулить её, Эура не знала, но ждать судьбу, сидя на облезлых змеиных шкурах, было бы грустно.

Девушка потянулась к сумке и вытащила кусок тряпки и флакон с алой жидкостью. Перевязав рану, она поднялась на ноги. До крышки было добрых четыре человеческих роста. Колья с острыми стальными наконечниками торчали до самого верха. Эура вытащила из сумки верёвку с крюком и бросила. Крюк сорвался и, глухо ударяясь о колья, сполз вниз. Девушка размахнулась, насколько ей позволили края ямы, и бросила ещё раз, а затем снова и снова, пытаясь зацепить крюк за стенку пещеры, но твёрдые и гладкие стенки становились мягче к выходу, превращаясь в землю. Поняв, что крюк бесполезен, девушка попыталась забраться по кольям. Гнилые рукояти не выдерживали человеческого веса, ломались, оставляя в руках обломки с длинной острой щепой. Так прошли сутки. Ночью Эура забылась тревожным сном. Весь следующий день прошёл в бесплодных попытках выбраться. К вечеру девушка связала лестницу из обломков кольев. Хлипкая лестница с трудом выдерживала маленький вес девушки, однако её длины хватало, чтобы добраться до выхода. Крышка стала новым препятствием на пути свободе. Запорная пружина крепко прижимала её к земле. Девушка попробовала расковырять механизм ножом, но он ржавый запор. Но вот почва... Эура ковырнула землю рядом с крышкой, и почва стала осыпаться. Всю ночь Эура провела роя ножом подкоп. Наутро, когда из проделанной дыры брызнули лучи солнца, крышка открылась сама. Крепкие когтистые лапы вытащили девушку наружу и бросили в утоптаный снег. В грудь Эуры упёрлось лезвие топора.

– Допрыгалась, козочка. Неделю скакала по горам, – послышался такой знакомый орочий рёв.

– Отпусти, – прохрипела Эура.

Лезвие давило, мешая дышать.

– Ты убила моего тролля, – покачал головой орк, обрушивая на голову девушки топище.

Глава 3. Цена жизни

Я плохо помню те дни. Обрывки памяти подсказывают, что меня протащили через перевалы, перекинув через плечо, словно дорожную торбу. Раз в три часа шаман совал в нос щепотку вонючих грибов, что курят в храме Тиары, богини забвения, и я проваливалась в тяжёлую дрему, раз в шесть – давал глоток талого снега. На стоянках меня бросали рядом с остальным орочьим скарбом: сумками и мелкими трофеями. Сверху кидали пропахший дымом и потом старый плащ, чтобы я не замёрзла. Так прошло два дня. Вечером третьего дня мы прибыли в Сауку.

Была макушка зимы, и Саука, шумная летом, пустовала. На огромной опушке, окружённой с трёх сторон лесом, а с четвёртой – рекой, среди палаток и пустых торговых рядов слонялись пара гоблинцев, торговцы рыбой и шкурками, несколько купцов, привезших замороженные овощи и мешки с крупой, торговцы травами и снадобьями. У статуи Ваера, бога дорог, стуча железными кружками о каменный постамент, просили подавание два пожилых монаха. Третий – кланчил монетку у толстой тётки, торговавшей соленьями. Торговка бранилась в ответ и грозила огреть наглого попрошайку деревянным половником, которым выгребала мороженую клюкву из холщовых мешков. Чуть поодаль, на старой разбитой телеге пили пиво орки. Они заметили вновь прибывших и откровенно пилились на них, прикидывая, сколько нынче можно выручить за топор Вархвара, амулеты Сахвира или за пленницу, свисающую с плеча одного из орков. Решив, что за топор, скорее всего, дадут тумачков, а не звонкую монету, орки бросали злобные взгляды на кошель, болтавшийся у пояса командира. Как только Вархвар подошёл ближе, они кивнули в знак приветствия, не спуская с кошель вожделенных взоров. Орк, проходя мимо, сухо кивнул в ответ.

На задворках Сауки, у самого леса, высилась круглая юрта. Белесая, выцветшая от дождя и солнца, она возвышалась над потрепанными зимой рыночными платками. Рядом с шатром висел медный гонг с чёрной чашей посреди солнечного круга. У дверей переминались на морозце два пайкора. Завёрнутые в чёрные шерстяные плащи, они напоминали воронов. Рядом несколько охранников сидели у костра, протягивая к пламени озябшие загорелые ладони.

– Урдар здесь? – Рявкнул Вархвар, не представившись.

– Здесь, – подтвердил один из охранников.

– Доложи! – Приказал Вархвар, останавливаясь недалеко у входа.

Орк встал в центре площадки перед пайкоровым шатром. Он широко расставил ноги и положил лапы на боевой топор. Остальные сгруппировались за его спиной, зажав в лапах оружие. Эуру бросили на снег перед Вархваром.

Из шатра вышел высокий смуглый желтоглазый мужчина. Зябко поёжившись на ветру, он поправил наброшенный на плечи кусок чёрной шерстяной материи, служивший плащом. Из-под края плаща виднелся подол длинного шелкового одеяния, расшитый алыми макаками, и край ножен с серебряными накладками. Человек, или существо похожее на человека, было ростом с орка, но из-за многослойного одеяния было сложно разглядеть фигуру. У мужчины были короткие рыжие волосы, перехваченные шелковым шнурком с большими коралловыми бляшками. Терракотовая, словно шоколадная крошка, что в Снерхольм возили торговцы с юга, кожа блестела на солнце, источая тонкий аромат благовоний. На вид пайкору было лет тридцать, но кто знает, сколько могут прожить создания тёмных богов.

– Зачем пожаловал? – Спросил пайкор, щурясь на солнце.

– Товар прими. Хороший товар, – рявкнул орк, выдыхая облачко пара.

– Женщина, – брезгливо поморщился Урдар, поворачиваясь к орку спиной. – У нас хватает своих женщин.

– Дочка правителя с юга, из-за Хавонасильты. Бери, хорошая баба: чёрные волосы, белая кожа.

Собиравшийся было скрыться в шатре пайкор остановился, задумался и, резко развернувшись, подошёл к нелюдю и лежащей пред ним девушке. Каблуки его высоких кожаных сапог звонко стучали по наледи двора, выдавая торговце живым товаром военного.

– Она больна? – Спросил пайкор, наклонившись над свернувшейся калачиком девушкой.

– Резва, как горная козочка. Мы ей грибы даём.

– Нам не нужны строптивые рабы, – отрезал пайкор.

– Любава отдаст за неё целое состояние.

– Ты можешь сам отвезти рабыню к Любаве в славный город Скревен, но она заплатит за это, – мужчина брезгливо ткнул Эуру носком сапога. – Не очень много.

– Путь до Скревена не близок, – отвёл глаза командир.

– Можешь не заговаривать мне зубы. Наслышан я твоих подвигах, орк. Ты, Вархвар, пытался протащить тролленка через ворота, подрался со жрецами Ваера, поругался с Любавой, набедокурил в Скревене. Так что тебя, мой славный Вархвар, к городу на выстрел не подпустят. Хотя нет, подпустят, но только на выстрел...

Пайкор сел на корточки и принялся осматривать Эуру, словно щенка. Приподняв губу, мужчина осмотрел зубы; заглянул в мутные, затуманенные снадобьями глаза; проверил волосы и уши.

– Сколько, если не секрет, ты хотел за эту женщину?

– Двести золотых, – заявил орк, решив, что товар покупателю понравился.

– Больше сорока не дам. Придётся потратиться на подарки для стражи ворот, чтобы протащить её в КаулютМаа.

– Зачем вятку. У этой пропуск есть, – орк стянул перчатку руки девушки, обнажая татуировки.

– Отвратительная гоблинская работа... – Поморщился пайкор вставая. – Татуировки сожгли кожу. Они наверняка останутся даже после прохода через Врата. Товар порченный.

– Порченный? – Обиженно взревел орк. – У Вархвара всегда хороший товар: платить за перевозку в КаулютМаа не надо, – он демонстративно загнул большой палец. – Родственники искать не будут, – орк загнул второй палец, пропустив отсутствующий указательный. – Раны ей Сахвир залечил, – орк загнул следующий палец. – Любава за неё двести золотых отдаст. ... Или ты обмануть меня хочешь?

– Хорошо, – согласился пайкор. – Пятьдесят золотых.

– Сто пятьдесят!

– Шестьдесят.

– Сто!

– Шестьдесят и ни золотым больше. Забирай деньги или просто перережь ей горло. Все равно не сможешь никому продать её в Сауке. Ты же знаешь, только я вожусь с беспокойным товаром.

– Сто!

– Шестьдесят моя последняя цена, Вархвар. Хочу отметить, что я поднял цену, только в знак нашей давней дружбы. Ты же знаешь, как я ценю своих друзей.

– По рукам, – скрипнул зубами орк, понимая, что продешевил.

– Как звать её?

Орк пожал плечами и, бросив взгляд на сползшую с предплечья повязку, прорычал: «Мантикора.»

– Хорошее имя.... Для зверя....

Пайкор быстро отсчитал шестьдесят золотых и скрылся в юрте. Пайкоровы слуги надели кандалы и потащили девушку к стоящим рядом баракам. Орк все стоял на опустевшем дворе, задумчиво почёсывая лысую голову. Торговец из него был никакой.

Девушка очнулась на полу клетки, которую две старые клячи медленно волокли по узкой горной дороге. Клетка раскачивалась, норовя свалиться в пропасть, на дне которой грохотал поток. Когда колесо повозки наезжало на камень, клетка жалобно скрипела. Рядом с Эурой на старых корзинах и тюках сидело ещё семь или восемь женщин. Они жались друг к другу, кутались в грязные плащи, пытаясь спрятаться от пронизывающего ледяного ветра. Перед повозкой ехали пайкоры-охранники на холеных гнедых лошадках, позади – тянулся унылый караван. Одна за другой клетки ползли по дороге, волочимые худыми, точно скелеты лошадьми. В клетках сидели, лежали, стояли люди.

– Где я? – Спросила Эура у сидевшей рядом девушки.

Девушка что-то монотонно бубнила, перебирая старые чётки. Подняв мутный взгляд на Эуру, она ответила на незнакомом языке и снова принялась медленно перебирать облезлые деревянные бусины худыми загорелыми пальцами.

– В пайкоровы копи, – послышался тихий шёпот. Эура повернула голову. В углу, поджав худые ноги, сидела древняя старуха в грязном потрепанном балахоне. – А дальше как повезёт, или куда повезут. Повезёт – попадёшь в бордели славного города Скревена, а не повезёт – сгниёшь в рудниках. – Старуха хрипло засмеялась, обнажая пеньки зубов, но смех тут же перешёл в сухой кашель, сдавивший впалую грудь. Старуха согнулась и захрипела. Когда кашель прекратился, она сплюнула кровь, вытерла тонкие потрескавшиеся губы сухой морщинистой ладонью и стала осматривать Эуру, щуя голубые выцветшие глаза.

– Как же плохо-то все, – только и произнесла Эура.

Сумку, вещи, золото, снадобья – все унесли орки, оставив лишь одежду да браслет из пробитых насквозь игральных костей, подарок Матиаса.

– А бежать из рудников можно, добрая женщина?

– Бежать? Ишь, какая прыткая: ещё не доехала, а уже бежать! – Старуха снова зашлась смехом, перешедшим в кашель. – Видишь воронов над той горой? Туда нелюди сбрасывают нечистоты и трупы рабов, чтобы не приманивать подземных тварей в свои туннели. За ней будет вход в пещеры. Туда они свозят всех пленников пойманных в этих землях. Всех тех, кто пытался выжить в этих горах или добраться до ворот ТрайЕлоссы. Отсюда тайными тропами рабов переправляют за ворота, а там они расходятся по всей КаулютМаа до самых Арденновых пустошей... Люди – товар ценный, но не редкий. Иных купят в весёлые заведения Скревена, иные – поедут в столицу богатым господам на потеху, иные – на южные поля спину гнуть, иные на галеры солёную воду хлебать, иные – к чёрным магам. Из людей такие зелья получается!

Старуха вновь хрипло засмеялась.

– Молчать! – Всадник, едущий позади повозки, стегнул кнутом по толстым прутьям клетки. – Будете болтать – сдохнете ещё в дороге!

– Я все равно выберусь, – отвернувшись, прошептала Эура.

Тем временем, тропинка стала шире: теперь на ней могли разминуться две телеги, и появилась покрытая рыхим снегом обочина с торчащими кривыми палками кустов. Запахи гнили и серы появились в доселе свежем морозном воздухе. Наконец, тропинка прижалась к противоположной скале, огибая идеально круглый котлован, стены которого покрывали старые тряпки, гнилье, остатки пищи, человеческие кости, тлеющие туши животных, грязные гранитные валуны, кривые коряги и нечистоты. Со дна ямы поднимались сизые клубы горячего влажного воздуха. Они окутывали торчащие из бурлящих недр серые пики; оседали злобными каплями на мусоре; клубились у идеально ровного, словно срезанного ножом, края

кратера. Раз в несколько минут из жерла вырывался вонючий фонтан грязи, заливая округу ядовито-зеленый жижей. Чёрные птицы, кружащие над ямой, с мерзкими криками шарахались от грязевого столба. Нерасторопных фонтан забирал с собой, топя в бурлящей жиже трепыхающиеся тельца. Лошади, тянувшие телеги, замедлили неторопливый шаг, давая пленникам насладиться картиной и вдоволь надышаться ароматами тлена. Эура уткнулась лицом в рукав и зажмурилась, пока телега медленно ползла по краю ямы. Только когда запах гнили стал пропадать, она открыла глаза. Тропа к тому времени превратилась в широкую мощёную булыжником дорогу петлявшую между скалами. По бокам над ней нависали скалы, смыкаясь над головой каменной аркой. Наконец, из-за поворота раздались крики, скрежет петель, скрип цепей и лебёдок запорных механизмов, свист кнута и возмущённый звериный рёв. Пайкорская цитадель распахнула перед путниками огромные ворота, готовая поглотить новых рабов, переварить их в своих недрах и выплюнуть останки в зловонную жижу выгребной ямы.

Телеги, скрипя, вползли в ворота и остановились в центре вымощенной гранитными плитами площадки. Пещеры дырами пронизывали окружавшие её скалы. Новые переходы и туннели, старые переходы, рудники, шахты, подземелья, храмы, заброшенные штольни – все это сплеталось громадным лабиринтом. Пайкоры занимали лишь верхнюю часть подземелий, доставшихся им от прежних обитателей. На нижних этажах жили иные существа. Среди пайкоров ходили мрачные легенды о кобольдах, обитавших в старых штольнях и устраивавших завалы в новых, когда рудокопы слишком близко подходили их обиталищам. В нижних ярусах лабиринтов селились существа, способные заживо сожрать живого человека: бехеры, злобоглазы, василиски... Да мало ли ещё тварей населяло тёмные подземелья, старые подземные кладбища и храмы забытых богов. Пайкоры предусмотрительно заваливали проходы, ведущие в опасные части подземелий, но древние нет-нет, да и появлялись, неся смерть надсмотрщикам и рабам.

Вновь прибывших выгрузили перед полукруглым порталом, вырубленным прямо в скале. Время не пощадило наличник, и вместо части украшенных геометрическим рисунком плит зияла рыжая скальная порода. Высотой портал был с несколько десятков метров, и в его чёрном зеве виднелась россыпь огней и деревянные помосты переходов и лестниц. Площадку перед обиталищем пайкоров окружали примыкающие к скале каменные стены с башнями и массивными деревянными воротами. Сквозь зубцы маячили чёрные фигуры арбалетчиков, лениво прохаживающихся по галереям. Над входами в башни реяли алые флаги. Ветер развеивал шелковые полотнища, и их деревянные перекладины глухо стучали о каменную кладку. На них явственно виднелась чёрная чаша в сердце солнечного круга.

Охранники хлыстами отогнали мужчин в сторону и сразу же увели. Детей собрали пишущей кучей у входа. Пайкоры-охранники орали на них, заставляя замолчать, но дети продолжали плакать, утирая грязными ладонями мордашки. Наконец, детей построили парами и увели по узкой каменной лестнице, поднимающейся на стену справа от ворот. Женщины тихо рыдали, провожая их глазами.

– Зверям скормят, – прервала молчание старуха. – Мужчин – на арену или в копи, руду адамантовую таскать.

– А нас?

– Молчать! – Рявкнул стражник, замахиваясь на старуху. Женщина сжалась, закрывая морщинистое лицо ладонями.

Девушка не стала медлить, а ударила первой, попав тяжёлым железным наручником в висок. Пайкор отшатнулся, удивлённо стирая каплю крови, выступившую на загорелом виске. Эура ловко набросила цепь на его шею и принялась душить. Пайкор, выронив хлыст, стал отбиваться. Охранники, заметив потасовку, бросились к ним. Эура оттолкнула пайкора и рванула к медленно закрывающимся воротам. Она увернулась от брошенного в её сторону топора,

оттолкнула кинувшегося наперерез здорового охранника, но ноги опутала верёвка, и она рухнула на гранитные плиты, пахнувшие старой кровью и лошадьми.

– Не портить товар! – Заорал старший охранник, державший наготове арбалет. – В нижние камеры ее, к смертникам!

Связав, охранники поволокли девушку вниз, в провал портала, по туннелям, мимо складов, мимо выдолбленных в скале камер с людьми, мимо клеток с хищниками, в ту часть подземелий, где содержались бойцы для арены, – любимого и единственного развлечения обитавших здесь нелюдей. Бойцов для арены готовили долго и тщательно. День за днём они оттачивали мастерство в поединках. Им поставляли лучших женщин, вино, оружие. Рабы были «мясом» для первых поединков, служащих разогревом перед серьёзными состязаниями, «куклами» для тренировок или кормом хищникам.

Девушку бросили на сырой каменный пол, разрезав узел верёвки. Как только стража скрылась за низкой дверью камеры, Эура резво вскочила, но тут же осела: резкая боль отдала в ребро. В камере сидело, стояло, лежало ещё человек двадцать: мужчины примерно двадцати – тридцати лет. Эура медленно встала и подошла к двери. Затем, резко развернувшись, хлопнула кандалами по маленькому зарешеченному окошечку. Деревянная створка захлопнулась, погрузив камеру во тьму, а за дверью раздалось злобное бурчание, и послышались удаляющиеся шаги.

Девушка села, прислонившись спиной к дверному косяку. От сырости заныли раны, а от побоев ломило спину и ребра.

Время тянулось медленно. Заключённые смотрели на неё, оценивали, пытались угадать, что за птицу занесло в их клетку.

– Пайкоры не отправляют на арену женщин, считая их слишком слабыми. Что ты сделала? – Послышался из глубины камеры спокойный мужской голос.

– Напала на охранников и пыталась бежать, – ответила Эура, открывая глаза. В темноте камеры можно было разглядеть только то, что мужчина был на голову выше её, плотного телосложения.

– Глупо, – бросил мужчина.

– Лучше сдохнуть от арбалетного болта, чем гнить здесь.

– Глупо, – повторил мужчина. – Тебя никогда бы не отправили в копи, а оставили бы для перепродажи. Если бы дотянула до весны, то отправилась бы в славный город Скревен, развлекать горожан.

– Откуда ты знаешь?

– Здесь все написано, – мужчина показал наручник, закрывающий руку от запястья до локтя. На нем слабо светились розовым вязь на незнакомом языке. – У каждого написано: кто он и откуда. Или ты неграмотная? На твоём, например, написано, что зовут тебя Мантикора, ты благородных кровей и происхождением из южных земель. И цена тебе семьдесят золотых. – Мужчина замаялся и добавил. – Столько стоит хорошая лошадь или три пузырька зелья лечения от ран.

– Меня здесь не ценят, – пожала плечами Эура. – Ну, допустим, обо мне ты знаешь все. Может, представишься сам?

– Господин Радэк, начальник охраны госпожи Беатриче жены Маркуса Чёрного Когтя Правителя ФелконКреса.

– И что же ты делаешь здесь? Клетку изнутри охраняешь?

– Нарвались на пайкорскую засаду, – холодно ответил мужчина. – Кто-то донёс, что госпожа едет к горным ведьмам. Госпожу ранили, а мы оказались здесь. Единственное, что успели, послать гонца в ФелконКрес за подмогой.

– Если ваш гонец – мальчик на голову выше меня в куртке с серебряными пуговицами с когтистой лапой, то я вас огорчу: его загрызли мёртвые у трактира Мортеля.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю. Он был вашей последней надеждой?

– Да. Теперь мы можем только молиться, чтобы жадные пайкоры попросили выкуп. Если же враги госпожи подсуеются раньше: у нас мало шансов. Слишком много людей желает видеть госпожу Беату мёртвой. В любом случае, мы уже ничем не можем ей помочь. Мы умрём раньше.

– А бежать?

– Ты смеёшься? В нижних подземельях кишат тёмные твари, а верхние заняты пайкорами.

– И что ты предлагаешь: сидеть и ждать пока нас вытащат и пустят кровь, как свиньям на бойне? Кто-то раньше, кто-то позже, но все мы сдохнем на арене. Послушай, Радэк...

– Господин Радэк... – Поправил её мужчина.

– Радэк, я не для этого прошла через город мёртвых, сбежала от орков и горного льва, чтобы просто так, без боя сдохнуть на потеху каким-то уродам, пока они будут зажевывать жареным горохом кислое пиво, или что там пью пайкоры. Сбегу. Я все равно сбегу.

– Удачи, детка.

– Вы можете присоединиться ко мне.

– Смеёшься?

– Так трясешься за свою никчёмную жизнь?

– У тебя есть план?

– Плана нет, но это временно.

– Как придумаешь, поговорим. И ещё.... Рыцари ордена Сияющих Небес не боятся смерти.

– Врёшь. Все разумные боятся смерти. И ты тоже. Это естественно, как смена дня и ночи. – Эура задумалась. – Ты видел когда-нибудь, как живые становятся нежитью?

– Нет, – покачал головой мужчина. – Все кто видел, уже никому об этом не расскажут, за исключением разве что чёрных колдунов, а таких среди нас нет.

– А среди пайкоров?

– Что ты задумала?

– Подыграть сможешь? – Хитро прищурилась Эура.

День, когда Эура появилась в пайкорьей цитадели, был ничем не примечательным буднем: утром давали перловку в гарнизонной столовой, днём привезли свежих рабов, а вечером обещали новые зрелища на арене. В общем, скука смертная. Вот только в южных штольнях опять исчезали рудокопы. Пропавший утром был уже шестой за неделю. Проклятая стужа гнала голодную тварь поближе к людскому жилью. Найти логово монстра не удавалось, и он тихо таскал рабов, наивно полагая, что их никто не считает. Хотя... Тёмные боги разберут, есть ли вообще у подземных тварей мозги. Одним словом, жизнь в лагере текла размеренно и сонно: работа-выпивка-развлечение-сон. Какой из пайкорских кланов кроме Клана Подземного Солнца мог похвастаться такой сытой жизнью! Никто не мог предсказать, что наступят такие сытые времена, когда теснимые людской конницей последние из клана с позором бежали из арденнской мясорубки, погибая под копытами заградотрядов мёртвых. Совет пайкорских кланов тогда принял неверное решение, выбрав сторону мертвецов, предав живых ради призрачных обещаний новых земель и золота. Позорную сделку им припомнили, когда люди построили магическую стену, защищавшую людские земли от мёртвых. Мёртвые же вовсе не простили пайкорам бегства с поля брани.... Клану Подземного солнца повезло больше остальных кланов. После Арденского сражения их просто вышвырнули из КаулютМаа, отобрав

земли, пригрозив расправой, если кто-нибудь решит вернуться. Пайкоры обосновались в горах у ТрайЕлоссы, выгнав из пещер нежить и местных жителей. Не прошло и ста лет, как разбогатевав на торговле людьми, адамантином и самоцветами они вновь горделиво подняли рыжие головы. Со временем позор предательства забудется, а потом... Кто знает, что будет дальше...

Вечер обещал быть скучным. Тарелка с наваристым гороховым супчиком опустела, пузатый чайник довольно пыхтел на масляной горелке, и пайкор-охранник готовился к тому, что через часик его сменит напарник, и он сможет заняться чем-то более приятным, чем рабы, когда из коридора слышались крики.

– Чтоб вас злобоглазы сожрали, – выругался охранник.

Крики все не смолкали, и охранник нехотя подобрал копьё и поплёлся в конец коридора. За тяжёлой обшитой листами железа дверью одной из камер раздавались людские крики.

– Мертвяк! Мертвяк! – Истошно орали из-за тяжёлой бронированной двери.

– Тихо! – Рывкнул стражник на людском наречии, заглядывая в камеру сквозь крохотное зарешеченное окно. На полу подёргивалось в конвульсиях тело. Остальные обитатели сгрудились в дальнем углу камеры.

– Вытащите нас, пока не сожрала всех, – бросился на решётку худенький парнишка.

– Сейчас. Всех вас вытащу, – презрительно бросил охранник, судорожно вспоминая, что он должен делать в таком случае и не следовало ли ему доложить командиру. Докладывать командиру не хотелось. Ибо в данный момент суровый начальник сидел в одной из таверн недалеко от арены, одной рукой держа огромную глиняную кружку со светлым пенистым напитком, а другой – обнимая за тонкую талию грудастую рабыню. В такой ситуации беспокоить начальника стоило лишь в случае очень серьёзных проблем.

– Что там, Дохан? – Второй охранник, заглядывая через плечо, пялился в темноту камеры, пытаясь что-то там разглядеть. Крики заставили его покинуть тёплую караулку, оставив недоеденным ужин.

– Люди, – презрительно бросил Дохан, захлопывая оконце – Сходи за знахарем. Не хочу, чтобы в нашу смену кто-то сдох.

– Да, если мясо для арены испортится, начальник всем нам голову открутит.

На удивление стражи, знахарь прибыл быстро. Не прошло и получаса, как тучный запыхавшийся мужчина появился вместе с хлипким невысоким мальчиком-помощником и двумя долговыми охранниками, непонятно как помещавшихся в низких коридорах подземелий.

– Открывай, – пробасил знахарь, вытирая каплю пота, проступившего на широком, изрезанном глубокими морщинами, лбу. Пока охранники загоняли пленников в глубь камеры, знахарь отдышался. Пробежки давались ему тяжело. Перебросившись парой слов с охранниками, знахарь нехотя склонился над Эурой, брезгливо прикрыв платком нос и нижнюю часть лица. Платок топорщился на курчавой рыжей бороде, прилипая к тучной шее. Помощник держал факел и, словно странный торшер, освещал больную. Парень лениво ковырял земляной пол камеры стоптанным носком сапога. Чад от факела лез в глаза и забивал в нос, но он терпеливо ждал, когда знахарь, наконец, решит, что дело больного безнадежно и отправится читать заплесневевшие книги или копаться в пучках вонючих трав. Рабы умирали каждый день, умирали от чахотки, ран, сырости, побоев, плохой пищи, хищников, погибали под завалами, сгорали от адамантиновой пыли. Одним больше одним меньше: стоило ли беспокоиться, благородным пайкорам?

Женщина лежала на спине, сложив на груди скрюченные руки. На потрескавшихся губах пузырилась пена, а на боку расплывалось багровое пятно. В воздухе тюремной камеры висел странный древесный запах. Внезапно женщина открыла глаза.

– Что за ... – Лекарь не успел договорить, как тяжёлый наручник, описав в воздухе дугу, разбил переносицу. Он отшатнулся. Эура, вскочив, ударила помощника, выбив факел из рук. Стражники бросились к ней, упустив из вида остальных заключённых.

Люди Радэка быстро повязали стражу. Эура, напав на себя балахон послушника, спрятала волосы под капюшон и перекинула через плечо сумку лекаря.

– Зачем тебе? – Спросил Радэк, затыкая глотку голосившему знахаря платком.

– Позже разберёмся.

– Ключи, – один из спутников, бросил Радэку ключи, доселе болтавшиеся за поясом у Дохана.

Эура хитро улыбнулась, перехватывая на лету тяжёлую связку.

Бывшие пленники открывали камеры, выпуская из клеток людей и нелюдей. Кто-то из рабов, не веря в собственную удачу, оставался, боясь покинуть каменный мешок, кто-то радостно выбегал из темницы, исчезая в туннелях, кто-то сбивался в группы и уже вместе с другими искал путь наверх. У каждого из смертников в ту ночь был шанс, призрачный, как и все возможности дарованные богами, но шанс.

– Сворачиваем! – Скомандовала на бегу Эура.

Туннель поднимался наверх. Память рисовала путь к свободе, пролегающий через соседний туннель. Нужно было лишь свернуть, а дальше только вперёд, прямо по туннелю, вверх по деревянной лестнице, огибающей зев провала, и наверх туда, где солнце садилось над рыжими горами.

– Нет, – возразил Радэк, останавливаясь. – Нам в другую сторону.

– Я точно помню, что это дорога к воротам. Нам нужно поторопиться, пока стража не проснулась.

– Мы должны освободить госпожу Беату.

– Зачем?

Радэк посмотрел на девушку, словно на прокажённую.

– Она наша госпожа, – медленно, делая ударение на каждом слове, словно объясняя ребёнку прописные истины, произнёс мужчина. – Я поклялся защищать её до последней капли крови.

– Ты же не знаешь, где не держат! – Прохрипела Эура. От быстрого бега сердце было готово выскочить из груди, а кровь стучала в висках. – Если мы поторопимся, мы успеем уйти, а, мотаясь по подземельям, мы потеряем время.

– Делай что хочешь, но мы идём за ней, – отрезал Радэк, кинув свирепый взгляд на своих людей, сделавших было шаг в сторону выхода. Люди, потупив глаза, вернулись, встав за рыцарем. – Ты можешь пойти одна, но тебя, схватят, или ты умрёшь от голода и холода, заблудившись в горах, или снова попадёшь к пайкорам. Если поможешь нам, у тебя есть шанс. Даю тебе слово рыцаря Ордена Сияющих Небес, что когда мы выберемся из подземелий, я проведу тебя к ТрайЕлоссе и помогу устроиться при дворе господина Маркуса.

Эура колебалась.

– Думай быстрее.

В туннеле, ведущем вверх, послышались топот, крики и звериный рёв.

– Подземные боги бы их побрали! – Выругалась Эура.

Прямой путь наверх был отрезан.

Беглецы свернули в туннель, ведущий вправо. Скрывшись за поворотом, добежали до развилки, убедившись, что погони нет, снова свернули. В этой части подземелий было тихо и сонно. Лишь пламя факелов, притороченных к выложенным каменными блоками стенам, колыхалось от сквозняка.

– Стоять! – Эура резко остановилась, преграждая путь. – Давайте подумаем. Хорошо подумаем, отбросив красивые слова. Кто-нибудь знает, где прячут госпожу Беату, или мы будем прочёсывать все туннели пайкоровских подземелий?

– Ну, – замылся Радэк, переводя дыхание. От бега его короткие тёмные кудрявые волосы слиплись, пристав к мокрому лбу. – Ее, скорее всего, держат в верхних тоннелях. Мы попадём туда, если обогнём камеры для невольников с запада.

– «Скорее всего» или «точно»?

– Эм...

– Господин Радэк...

– Я не знаю, – сдался мужчина. – А что ты можешь предложить?

– Нам нужен язык, причём желательно подвешенный к живой голове, так как говорить с мёртвыми я не умею.

– Кто? – Удивлённо переспросил Радэк.

– Тот, кто может нам точно сказать, где прячут твою госпожу.

– Где мы его найдём?

– Господин Радэк, воспользуйтесь, наконец, своими армейскими мозгами. Мы в коридоре, в тихом районе пайкорских пещер, где проживают добропорядочные пайкоры.... И Вы ещё спрашиваете, где нам найти пайкора? Кстати, как будет по-пайкорски: «Откройте, это ночная стража?»

– Я... я не знаю. У меня не было времени практиковаться в пайкорском.

Эура тяжело вздохнула и махнула рукой.

Девушка тихо постучала в первую дверь, ничем не отличавшуюся от многих других в этом и соседних тоннелях. Спустя несколько минут из-за двери показался заспанный парнишка. Шум и крики из тюремных камер ещё не донесли до этой части подземелий весть о бегстве рабов.

– А вот и язык, – проговорила девушка, ударяя несчастного в переносицу. Пайкор отшатнулся, прикрывая разбитое лицо. Эура и остальные беглецы ввалились внутрь.

Скромная обстановка тесного жилища пайкора состояла из расправленной кровати, стола с остатками вечерней трапезы, стоящего в углу деревянного ящика от арбалетных стрел с нехитрым скарбом, стула с высокой спинкой, на котором была аккуратной стопкой сложена одежда. Высокие армейские сапоги стояли рядом. Свет прикроватного ночника отражался на чёрных полированных носках. В углу, в вырезанной в скале нише, стояло странное подземное растение, похожее на мерцающую плесень-переросток. Ядовито-зеленые листья растения пучком торчали из низкого горшка. Над ними парили крупные, с кулачок пятилетнего ребёнка, мохнатые шары, привязанные к мицелию за тонкие стебельки. Вокруг них кружил, мерцая и переливаясь в полумраке комнаты, рой ядовито бирюзовых огней. Растение едва заметно раскачивалось, перебирая тонкими листьями, словно паук-сенокосец лапками, но стоило Эуре поднести факел, как создание тёмных богов резво нырнуло в горшок, втянув под землю и огоньки, и листья и шары.

Хозяина связали. Жмурясь от света факела, он крутил взъерошенной рыжей головой, пытаясь понять: кто все эти люди, и что они хотят от добропорядочного пайкора.

– Слушай сюда, мой друг, – проговорила Эура, склоняясь над пленником, держа факел так близко к его лицу, что казалось: пламя вот-вот дотянется до медных бровей и ресниц, опалит и без того смуглую кожу. Как и всем обитателям подземелий, предпочитавшим полумрак, свет причинял пайкору неудобства, словно его посадили на жёсткий стул или надели на голое тело шерстяной свитер: противно, но не смертельно.

– Что ты желаешь, человек, – прошипел он, ёрзая, словно сел на ежа.

– Жить желаю... долго и счастливо.

– Отвечай, где твои сородичи держат госпожу Беату, жену господина Маркуса? – Обратился он к пайкору.

– Я не знаю, – улыбнулся пайкор, обнажая белые, ровные зубы. – Я всего лишь повар.

– А кто знает?

– Я не знаю... Я не обязан знать все. Моё дело: готовка, а с пленниками пусть Старшие разбираются.

– Он тянет время, – зло бросила Эура.

– Ты хочешь врываться в каждую дверь и вязать каждого, пока на нас не наткнётся стража?

Пайкор засмеялся, запрокидывая голову.

– Вы смертники... Вы не уйдёте далеко... Вас все равно поймает стража.

– Прав ты... Прав, солнце моё подземное, – медленно проговорила Эура, снимая перчатки. Татуировки излучали бледно зелёный свет. Растение, вылезшее было из-под земли, снова юркнуло в горшок.

Пайкор поёжился и втянул голову в плечи.

– Не много мне осталось... Видишь, шрамы, – Усмехнулась девушка, показывая запёкшуюся на боку кровь и порванную ещё в мёртвых посёлках одежду. – Ещё час или два... Интересно, село ли там, наверху солнце... Хочешь со мной? Туда... в страну мёртвых и вернуться обратно, чтобы жить вечно... – Вкрадчиво прошептала Эура, наклоняясь к уху пайкора.

– Лекарь, – испуганно пролепетал пайкор, бледнее насколько, насколько это возможно. – Лекарь,

наверное, знает...

– Нет больше твоего лекаря, – закатила глаза Эура.

– Не надо! Я все скажу! – Заорал пайкор, заметив лекареву сумку. – Жена Хранителя Мудрости знает, она ей повязки меняла...

– Что ж ты так орешь! Сейчас весь лагерь поднимешь. Веди к ней! Если будешь дурить – укушу, – проговорила Эура, клацнув зубами.

Пайкор замотал головой, выражая полную готовность выполнить любой приказ, лишь бы не становится одним из неупокоенных.

– Благородная госпожа говоришь, – бросил в её сторону Радэк когда, покинув комнату, они снова оказались в коридоре. – Что-то твои благородные родители упустили в воспитании.

– То, что родители упускают в воспитании отпрысков, с лихвой восполняют другие люди... или нелюди, – бросил в сторону Миран.

Пайкор повёл беглецов по туннелю. Каждый раз, заслышав шум или стройный стук каблуков армейских сапог, он морщился, сворачивал в боковой коридор и тушил факел. Слава предателя, помогшего беглым рабам, лишила бы его непыльной и сытой работы на тёплой кухне. Прощайте жареное мясо, запечённые перепела, чечевичный суп и маринованные огурчики для Старших пайкоров! За измену отправляли в нижние рудники, туда, где в тёмных гротах подземных пещер кобольдовой вотчины добывался серебристо-белый порошок. Попав в те пещеры, люди и иные земные существа через неделю слабели, покрывались струпами. Кожа их начинала трескаться, словно грязь на дне пересохшего ручья, и сходить безобразными лоскутами. Через две – сухой кровавый кашель выворачивал слабеющие лёгкие. Через три – слепли глаза, отвыкшие от солнечного света. Через месяц – несчастные умирали. Болезнь не щадила ни пайкоров, ни людей. Заклинания плохо помогали, продлевая ненадолго жизнь, а на деле растягивая мучения на три-четыре месяца.

Наконец, пайкор остановился у массивной двери из красного дерева с бронзовой табличкой, на которой люминесцентными чернилами были начертаны странные символы. Радэк,

прочитав написанное, улыбнулся. На миг Эуре почудилось что-то знакомое в улыбке. Словно кто-то близкий так же улыбался ей много лет назад, но подземелья плохое место для воспоминаний, и Эура прогнала странный морок.

– Здесь, здесь живёт Хранитель с женой, – проговорил пайкор, оглядываясь по сторонам.

– Вот и замечательно, – прошептала Эура, обрушивая на его затылок тяжёлый наручник.

Пайкор обмяк, заваливаясь вперёд. Тяжёлая дверь скрипнула, и вдруг легко подалась, открывая взору забавную картину. В середине просторной комнаты, заставленной по стенам шкафами с книгами, на низком диванчике полулежала, завернувшись в голубую шелковую ткань, обнажённая пайкорка. Свечи, расставленные в беспорядке по деревянному полу, разгоняли интимный полумрак.

– Это ты, мой подземный хищник? – Томно произнесла пайкорка, взмахнув длинными ресницами.

– Нет, это репей на его пушистой заднице, – рывкнула Эура, перешагивая через валяющееся на пороге тело. – Господа, рты закрыли. Заходим! Живо! Болезного тоже прихватите, очнётся – орать начнёт.

Кинжал с чёрной полированной рукоятью, застрявший в дверном косяке рядом с щекой Эуры, был ответом. Пайкорка дралась, словно бешеная кошка, успев прокусить руку Радэку и поцарапать длинными крепкими ногтями несколько человек, прежде чем её связали и положили рядом предыдущей жертвой.

– Нам нужна Беата, – проговорил Радэк, наскоро перевязывая руку обрывками дорогого шелка небесно голубого цвета, служившего покрывалом. Шелка, за который в Сауке можно было выручить горсть золотых монет.

– Подземные боги тебе в помощь, – бешено сверкнула глазами пайкорка.

– Слушай, что они говорят, Джайра – Иначе отправишься тропею мёртвых, – простонал пайкор, открывая один глаз. – Они прокляты, слышишь, прокляты. Мертвецами укушены.

– Кто? Эти? – Презрительно фыркнула женщина.

– Ну допустим я... – Отозвалась Эура, искоса поглядывая на пленницу.

Мужчины же вовсе не сводили вожделенных взглядов с полуобнаженного женского тела. Они откровенно пялились на пайкорку, рассматривая аппетитные женские формы, едва прикрытые тонкой шелковой тканью. Только Радэк покрывался пятнами и делал вид, что рассматривает золочёные корешки книг, аккуратно расставленных на полках. Он раз за разом обходил комнату, касался дорогих фолиантов кончиками пальцев, не решаясь взять в руки. За такую библиотеку многие в КаулютМаа отдали бы душу и не только свою.

Пайкорка презрительно засмеялась.

– Дурак ты, Джайхран. Всегда был дураком. Если бы она была мёртвой, ей бы гоблинское колдовство руки по самую кость съело.

– А что оно так светится?

– Мёртвых чувствует. Здесь горы, Джайхран. Мёртвых неудачников закопано – немеряно: наши, чужие....

– Сестрёнка, нам нужна госпожа Беата. Покажешь дорогу?

– Это ради каких богов... сестрёнка. – Надменно фыркнула Джайра, потряхнув копной каштановых курчавых волос.

– Допустим, ради тех, что могли нашептать твоему мужу, чем ты занимаешься в его отсутствие, – зло бросила Эура. Красивая пайкорка её раздражала. – Не думаю, что пожилому старцу, уважаемому человеку, любителю редких книг, и хранителю мудрости Клана, понравится весть о том, что его жена развлекается с молодым любовником, пока он просиживает облаченный в мантию зад на трибунах арены.

– Эура, как ты можешь. Может быть, она своего мужа ждала, – покраснел Радэк, вертя в руках древний фолиант.

– Вот именно, – подхватила его мысль пайкорка.

– Господин Радэк – святой? – Эура вопросительно посмотрела в сторону подчинённых Радэка.

– Паладин, – пожал плечами щуплый парнишка, ранее представившийся как его оруженосец.

– Вам не поверят. Вас даже слушать не будут. Вы «тухаая» – чужаки... – Поджала пухлые губы женщина. Злой огонёк играл в жёлтых миндалевидных глазах. От угольной подводки они казались ещё больше.

– Но репутацию мы тебе подпортим.

– Вам не поверят!

Эура с досады скрипнула зубами.

– Мышка моя подземная, ты меня ждала? – Послышался из коридора нетрезвый мужской голос.

В комнату дыша перегаром и ладаном ввалился дюжий пайкор. На нем были чёрные шелковые щегольские штаны, заправленные в высокие сапоги, чёрная рубашка с широкими рукавами, торчавшая из-под кольчуги. Поверх кольчуги была накинута красная шелковая туника с вышитым металлической нитью гербом.

– Что здесь происходит? – Строго проговорил он, оглядывая присутствующих нетрезвым взглядом.

– Вяжите его, – приказала Эура.

Наверное, в тот день пайкорские боги были не на стороне «подземного хищника» или виною было слишком крепкое вино, но меч мужчина вытащить так и не успел. Мужчину сбили с ног, связали, сунули кляп, и положили на диванчик к изображающему беспомощность Джейхрану и замотанной в шелковую простыню Джайре. Под весом мужчины диванчик скрипнул, но выдержал.

– Будем и дальше тянуть время в ожидании стражи и твоего мужа? – Ядовито улыбнулась Эура.

– Мне нужно одеться! – Прошипела пайкорка.

– Одевайся и идём, – девушка кинула шелковую длинную тунику, валявшуюся на стуле, и перерезала ножом верёвки. – Они отвернутся, – кивнула она в сторону людей Радэка.

Пайкорка надменно вскинула голову, и кудрявые волосы блестящим водопадом заструились по обнажённой спине.

– Его мы тоже возьмём, – указала она длинным ногтем на неудачливого любовника.

Стоило отметить, что мужчина был действительно красив: волевой подбородок, правильные черты лица, словно вырезанные из терракоты; широкая грудь и мускулистые руки, в объятиях которых жена Хранителя Мудрости собиралась растаять в эту ночь. Вот только щедро наградив его красотой, природа обделила умом. Смелый на поле брани, он и в мирной жизни презирал всякую предосторожность, регулярно становясь причиной скандалов, особенно тех, в которых были замешаны женщины. Джайра просто не могла не добавить такой экземпляр в свою коллекцию мужчин, собираемую ею тихими зимними вечерами, пока муж восседал в Совете Старейшин или пил вино с благородными мужами.

– Боишься, что муж, вернувшись, увидит его? Господа, кто-нибудь хочет потаскать на себе фунта четыреста живого веса? Как видишь – добровольцев нет. Так что давай, красавица, поторапливайся. Проводишь нас быстро, успеешь вернуться раньше – сплывишь любовничка куда-нибудь до прихода мужа. Будешь копать – муж вернётся раньше.

– Тогда возьмём Джейхрана.

– Нет.

– Он же все разболтает, – кивнула в сторону повара пайкорка.

– Да кто ж ему поверит, предателю...

Покинув комнату Хранителя мудрости, беглецы снова углубились в туннели. Джайра вела их через сонные кварталы, жизнь в которых замирала с наступлением ночи. Они прошли мимо амбаров с зерном, мимо зала, где собирались Старейшины Клана. Кутаясь в раздобытых Джайрой плащах, они проскользнули мимо башенной стражи, изнывавшей на лестнице от безделья. Беглецов искали в нижних подземельях, и ждали у ворот. Никому в голову не могло прийти что, вместо того, чтобы бежать прочь из цитадели, вознося молитвы всем Светлым и Тёмным богам, люди пойдут вызволять свою госпожу.

У дверей в покоях на вершине башни, где держали леди Беату, скучало двое стражников. Завидев в полумраке лестничного пролёта статную фигурку пайкорки, они оживились.

– Эй, красавица, что-то ты рано сегодня, – подмигнул Джайре младший охранник. – Соскучилась или муж свалил на арену, а Джард снова променял молодое тело на бутылку крепкого?

– Не твоё шакалье дело, – надменно ответила Джайра. – К госпоже Беате посетители.

– Разрешение есть? – Осведомился второй пайкор.

– У неё, – ткнула в Эуру Джайра, делая шаг в сторону.

– У меня, так у меня... – Проговорила Эура, ударяя охранника под дых. Второй пайкор даже не успел вытащить меч. На этот раз Джайра не промахнулась: нож, пробив кадык, застрял в шее.

– Ни одному псу не позволено тявкать на благородную Джайру! – Сухо объяснила женщина, вытаскивая нож. – И я не хочу, чтобы кто-то видел меня с людьми, – добавила она, точным ударом перерезая горло первому охраннику. – Забирайте госпожу Беатриче и проваливайте.

– Идите, я останусь здесь. Непонятно что она ещё вытворит, – проговорила Эура, отворяя дверь.

Радэк и его люди скрылись в темноте комнат.

Пайкорка презрительно фыркнула и попятилась.

– Стоять! – Рявкнула Эура, вытаскивая меч из ножен охранника.

Джайра засмеялась, обнажая зубы. Одним движением, она полоснула себя по рёбрам и кинула нож Эуре. Клинок, заскользив по гладким камням, остановился у ног девушки.

– Считай, что боги благосклонны к тебе сегодня. Это тебе подарок. Хороший пайкорский нож немало стоит, – прошептала женщина, медленно оседая на пол. На её боку расплывалось алое пятно.

– Эура? – Радэк показался из-за дверей так же тихо, как и пять минут назад скрылся. Увидев лежащую в луже крови пайкорку, он замер. – Что здесь произошло?

– Она сама себя... Ножом.... Это не я... – Начала оправдываться Эура.

Мужчина недоверчиво прищурился, но промолчал. Его люди вытащили из комнаты носилки, наскоро сколоченные из двух копий и шерстяного плаща. На носилках, накрытых плащом Радэка, лежала женщина. Между тем, к беглецам присоединились ещё двое: седой крепкий мужчина и безусый юноша с голубыми глазами.

Далеко уйти от покоев леди Беатриче беглецы не успели. Хозяева подземелий скоро обнаружили, что двумя пайкорскими душами в этом мире стало меньше, а едва живая красавица, лежащая на пороге опустевших покоев, указала тонким пальчиком в сторону коридора, в котором скрылись беглецы.

Приближающийся стук каблуков возвестил о том, что погоня близко. Прячась от пайкорской стражи, беглецы укрылись в пустой камерке под лестницей. Стояли не дыша, прижавшись

друг к другу в тесной подсобке, словно селёдки в бочке, пока мимо, гремя копиями, пробегала охрана. В таких клетушках хранились ведра, метлы и мешки с песком, чтобы посыпать дорогу на стенах, когда снег заносил укрепления или рыжие камни покрывала корка льда. Сквозь щели между досками хлипкой двери были видны коридор, масляный светильник, прибитый к противоположной стене, стражу в чёрных адамантовых доспехах пробежавшую мимо.

– Куда дальше? – Прошептала Эура, с трудом дыша, когда звуки погони стихли.

– Вперёд, за ними. Им нужно время, чтобы перекрыть коридоры в этой части подземелий.

– Минут пять шесть не больше, – проворчал Миран, тот самый мужчина, что присоединился к ним в покоях Беаты. – И у нас минут десять, пока они поймут, что мы остались позади.

– То есть жить нам осталось полчаса, – заметила Эура. – Мы не сможем прорваться наружу. К тому же, у нас на руках трое раненых и полумертвая госпожа. Если учесть, что мы уже часа два как ползаем по подземельям, пайкоры успели усилить охрану на воротах и перекрыть все туннели, ведущие к выходу. Сейчас они просто прочёсывают коридор за коридором.... Как хозяин собаку в поисках блох.... Как же умирать-то не хочется...

– Никому не хочется. Должен быть выход, – прохрипел Славко, худой юноша с задумчивым взглядом поэта. Одухотворённое лицо и вид эфемерного неземного существа не мешал ему тяжело дышать уткнувшись в грудь Эуры.

В камере, где пряталось пятнадцать человек, едва хватало места для десятерых. Славко стоял, прижавшись к Эуре, вытянув длинные худые руки по швам. В спину ему сопел Миран. Низкорослому Мирану было совсем туго: курчавая седая борода лезла в нос и он тяжело дышал, упёршись в поясницу парня.

– Выход один: прорываться, – покачал головой Радэк, бережно, словно великую драгоценность, прижимая Беату к груди.

– Мы кости сложим на первой же засаде. Нас утыкают арбалетными болтами, как швея игольницу.

– Уходить через шахты... – Задумчиво проговорил Славко, не отводя глаз с шеи Эуры, чуть прикрытой мокрым воротником рубашки.

– Рехнулся, малец? – Пробасил Миран.

– Нет. Почему же... Пайкоры занимают малую часть подземелий. Если найдём не заваленный проход, то сумеем выбраться отсюда через гномьи шахты....

– Ты хоть представляешь, КТО может там обитать, малец?

– Славко дело говорит. По крайней мере, у нас есть шанс, – заметила Эура.

– Шанс быть съеденным, а не убитым.

– Но в этом случае мы проживём больше, чем полчаса. Предпочитаю быть съеденной послезавтра, чем убитой сейчас.

– Как мы найдём выходы-то? – Ехидно спросил Миран.

Славко, сопя, завозился и вытащил из складок перепачканный сажей коричневой хламиды желтоватый, сложенный вчетверо, листок.

– У мудрого господина взял, что вчера к госпоже Беате кровь отворять приходил, – гордо проговорил он, демонстрируя добычу.

– И что ты молчал, паршивец? – Прошипел Миран.

– Так никто не спрашивал же... – Покраснел Славко. – Нам нужно пройти по коридору и свернуть налево.... А там вниз, по одному из туннелей... в рудники...

– Сейчас глухая ночь. Охрана рудников, как, впрочем, и вся пайкорская охрана, занимается нашими поисками... – Хитро улыбнулась Эура, по-звериному обнажая зубы. – В шахтах никого быть не должно. Значит, решено: в рудники.

– Моё мнение здесь больше никого не интересует? – Холодно осведомился Радэк.

– А что ты сделаешь? – Усмехнулась Эура. – У тебя руки ... эээ заняты женщиной. Ты даже меч взять не сможешь. И у тебя раненые, которых ты, естественно, не сможешь бросить. А у нас карта и план. Ты можешь пойти с нами, а можешь прорываться через пайкорские засады.

– Хорошо, – скрипнул зубами Радэк, плохо скрывая злость.

– Фортуна, девушка переменчивая... – Усмехнулась Эура, толкая плечом хлипкую дверь душевой каморки. Вслед за ней вывалились Славко и Миран.

– Когда ж ты на мослы мясо-то нарастишь, – ворчал старик, вставая со Славко. – Кормлю тебя, дармоеда учёного, кормлю...

– Я и госпожа Эура – пойдём впереди, Миран и Славко – за мной, остальные в боевом порядке – после. Носилки и раненые посередине. – Скомандовал Радэк, выбираясь из каморки. Остальные вышли уже после него.

– Девушек вперёд? – Подмигнула Эура отряхиваясь.

– Чтобы не ударила в спину.... – Отрезал Радэк, бережно опуская Беату на носилки.

– Нам вперёд, – заметил Славко, пряча карту за пазуху.

– Всегда вперёд. – Усмехнулась Эура, доставая меч.

Меч ей понадобился уже на следующей развилке. Туннель расходился двумя рукавами: направо и налево. Средний туннель был давно завален. Перед завалом расположилась пайкорская застава. Там же застава и полегла, забрав одного из раненых людей Радэка в свой пайкорский рай.

Говорят, что убивать страшно только в первый раз. Говорят, что привыкаешь к виду крови. Привыкаешь чувствовать себя мечом в руках богов. Привыкаешь чувствовать себя простым исполнителем их воли. Это проще чем, считать себя мерзавцем, отправившим на тот свет человека, равного себе, человека думавшего, дышавшего, действовавшего, любящего, надевавшегося, ненавидевшего, мечтавшего. Чувствовать себя убийцей, отнявшим жизнь, только из-за того, что человек имел глупость встать на твоём пути. Чувствовать себя зверем, убившим холодно и расчётливо.

У умершего возможно была семья, родственники, друзья, дети, родители. Он мог быть единственным ребёнком в семье, единственным кормильцем, любящим родителем или нежным супругом. Он мог быть последней сволочью, обиравшим сироток или воровавшим в храме. Не важно: был ли умерший плох или хорош. Не человеческое это дело – судить. Убийство всегда убийство, какими бы высокими мотивами, какой бы необходимостью оно не было оправдано. Убийство всегда убийство, даже если цена поступка – своя жизнь.

– Дочка, тобой все в порядке? – Обеспокоенно спросил Миран белую, словно первый снег, Эуру.

Схватка уже кончилась, а девушка все стояла, сжимая меч. Кровь билась в висках тяжёлыми колотушками, а по холодному лбу катилась крупная капля пота. Мёртвый пайкор лежал у ног, раскинув руки и запрокинув голову. Удивление навсегда застыло на загорелом лице, обрамленном венцом ржавых кудрей. Глаза его, яркие... жёлтые... кошачьи, уже затянутые поволокой, смотрели в потолок. Тёмное пятно расплзлось на животе, пачкая новенький поддоспешник антрацитового цвета, растекаясь липкой безобразной лужей на каменном полу.

– Выпей, – Миран протянул ей засаленную флягу. – Лучшая бормотуха, которую только можно достать в самых злых местах славного города Скревена. Для себя берег, но тебе, дочка, нужнее. Ты пей, пей. Ишь, как тебя пробило-то....

– Зверей диких стреляла ни раз... троллей... гоблинцев, – прошептала девушка делая глоток. Жуткая бормотуха из вина, спирта и специй обожгла горло, и Эура закашляла. – Людей... Как умирили – видела.... а сама своими руками... Нет...

– Трясет-то тебя как, дочка. Ты пей, пей. Винцо голову быстро отключает, а без головы оно как-то проще, – ласково приговаривал старик.

Внезапно старик обернулся. Лицо его в мгновение стало суровым. Пока он поил вином Эуру, а остальные – досматривали мёртвых, оруженосец Радэка, крепкий здоровый парень по имени Нешко, стянул сапоги с лежащего пайкора и деловито примерял обновку.

– Верни на место, урод божий. Не раз сказано же: брать ничего у мёртвых! Смерть свою притянешь, дурья башка.

– Зря ругаешься, папаша! – Усмехнулся Нешко. – Пайкору они уже ни к чему, а мне в самый раз.

– Так твои же целые!

– Целые-то целые, а пайкорские сапоги поновее будут. Вон смотри шлем и себе справил. Такой в Скревене не меньше ста золотых стоит.

Миран осуждающе покачал головой. В то время, закончив осмотр, Радэк торопил людей.

– Привыкай. КаулютМаа близко, – проговорил Радэк, вынимая флягу из трясущихся девичьих рук. – А ты, бы перестал спаивать, детей, – добавил он, возвращая флягу Мирану.

Следующий поворот и снова засада, и новые души отправились пировать к предкам. Через несколько перекрёстков Эура потеряла счёт убитым. Взрослые... Молодые... Старики.... Они умирали, молча, с руганью, хрипя и кашляя, выпуская воздух из пробитых лёгких. Иногда они забирали одного или некоторых из людей Радэка. Эуру, Радэка, Мирана и Славко хранили боги.

Наконец туннель оборвался, и беглецы оказались на краю обрыва: огромный провал уходил на много миль и вверх, и вниз. Эура подняла глаза: где-то высоко над ними сияли бездушным светом мёртвые зимние звезды. Внизу, освещённая россыпью факелов-светляков, зияла бездна, изрытая штольнями. По краям бездны тянулись хлипкие деревянные леса и узкие тропинки.

– Туда! – Славко указал на остатки каменного моста ведущего через пропасть к мраморной арке портала. Портал видимо служил проходом в другую часть подземелий. Мост давно обвалился, лишь белые мраморные колонны торчали из бездны поломанными зубами. Две стороны провала соединяли узкие длинные подвесные мосты, переброшенные через пропасть.

– Вот здесь мы и сдохнем... – Проговорила Эура, осматривая столбы, к которым были привязаны канаты. – В отличие от пайкорских коридоров здесь простора хватит и для лучников и для копейщиков...

– Не сдохнем, если поторопимся, – пожал плечами Славко, ступая на покачивающийся мостик. Арбалетный болт пролетел мимо, задев опереньем хлипкие доски.

– Бегом! Живо! – Скомандовал Радэк.

И они побежали... по старым доскам, белым от дождей и извести; доскам, нанизанным на канаты, словно кости позвоночника гигантского диковинного животного. Им вслед, свистя опереньем, летели арбалетные болты. Мостик трещал, стонал и раскачивался, норовя перевернуться. Когда последний ступил на площадку перед порталом, он обвалился, обрушивая в пропасть гнилые деревяшки. Радэк бросил взгляд на носилки. Покрывало чуть поднималось, давая понять, что женщина ещё дышит.

Пайкоры уже бежали к ним по узким тропинкам, мостам и мостикам, деревянным лесами и дорожкам, тоннелям и переходам.

Совет Клана собрался под утро. Старейшины, уважаемые командиры пайкорских отрядов шёпотом переговариваясь восседали на покрытой шкурами полукруглой скамье. Перед ними в центре алого блестящего свежей краской круга сидели трое: красивая женщина с кошачьими глазами, мужчина лет тридцати в алой тунике и испуганный парень лет двадцати. Обыч-

ные же пайкоры толпились у стен, наваливались на перила галереи, огибавшей круглый зал на высоте в три человеческих роста, или теснились в дверях. Пленники часто бежали из клеток, не желая мириться с судьбой раба, но впервые им удалось покинуть пайкорские подземелья.

Участь несчастных пайкоров, чьи судьбы пересеклись в эту ночь с той, которую позже назовут Эуристой Мантикорой, уже была решена. Охранников отправили в шахты, лекарь зализывал раны у себя в комнатке, костеря нерасторопную стражу и помощника, умудрившегося проворонить сумку и тунику. Помощник стойчески переносил упрёки, пока старик, кряхтя, перебинтовал ему голову: отправляться вслед за неудачливой охраной в сырые шахты ему не хотелось.

Совету оставалось решить, что делать с сидящей в центре зала троицей. Муж Джайры, высокий худощавый, но все ещё крепкий мужчина сидел, положив вытянутые ноги на согнувшегося раба. На коленях его лежала книга. Стоящий рядом помощник держал наготове чернильницу и бронзовое перо.

– Почтенный Джард, – разнёсся в пещере властный лишенный эмоций голос, чтобы, многократно отразившись под высокими сводами комнаты, исчезнуть, затеряться в бахроме свисающих с потолка сталактитов. – Совет желает слышать тебя.

Мужчина поднялся и распрямил плечи, сжав зубы от боли: ночь, проведённая в тёплой компании жрецов пайкорской богини правосудия, оставила на его спине новые шрамы, сложенные ребра и вывихнутое плечо.

– Мне нечего сказать уважаемому Совету, – прорычал мужчина.

– Я могу рассказать, – проговорила Джайра вставая.

Её не пытали... Кто ж осмеливаться испортить красоту жены самого Хранителя Мудрости!

– Говори Джайра, дочь Урдара.

– Я ждала моего мужа с арены, как подобает благочестивой пайкорке, когда этот презренный, – она кивнула в сторону Джейхрана. – Привёл врагов в мой дом.

– Она врёт, – заорал пайкор, вскакивая с места, но стоящий позади охранник, ударом по спине заставил его сесть.

– Совет даст тебе слово, – брезгливо поморщился один из Старейшин, высокий крепкий мужчина лет тридцати. Уродливой шрам рассекал его лицо по диагонали, разрезая острый орлиный нос и в вечной ухмылке приподнимая кончик губы.

– Я слабая пайкорская женщина. На мои крики прибежал смелый Джард, но рабов было слишком много. Они связали смелого Джарда, а меня ранили. Рабы искали госпожу Беатриче, жену Чёрного когтя, да сократят боги его дни. Угрозами они заставили меня провести до её комнаты в западной башне, но я бежала, чтобы предупредить охрану ворот. Мои шрамы тому свидетели.

Женщина закрыла лицо ладонями и зарыдала.

– Врёт она все... Она не мужа, а Джарда ждала...

– Уважаемый Совет, этот презренный, недостойный называться пайкором, провёл врагов по нашим пещерам, а теперь пытается очернить тех, кто хотел ему помешать: благородную женщину и того, кто, руководствуясь законами нашего пайкорского братства, пришёл ей на помощь.

Женщина подняла прекрасные глаза. Тушь, смешиваясь с солёными слезами, чёрной струйкой текла по щекам.

– Или Совет допускает мысль, что жена Хранителя Мудрости может быть ему не верна? – Всхлипнула пайкорка.

Конечно же, Совет не мог допустить такой мысли. Несмотря на все причитания, Джейхрана отправили в копи, но не в сами копи, а на кухню, кормить охрану, где он счастливо проработал много лет. Джарда оставили на своём посту. Джайру же отправили к отцу. Сам

Хранитель Мудрости через несколько недель привёл в дом новую жену, в тайне надеясь, что очередная красавица разделит, наконец, с ним старость.

Беглецы же бежали по туннелям.

– Почему ты её не бросишь? Она же обуза! – Крикнула Эура.

В туннеле за ними послышался грохот. Волна взрыва отбросила их вперёд, сбив с ног. Беатриче застонала.

– Проход завалили... – Пробурчал Миран, сплёвывая землю. Он быстро вскочил на ноги и помог подняться Славко.

Миран, живой старик с хитрыми всегда улыбающимися глазами, прячущимися под седыми косматыми бровями и Славко, грустный парень с одухотворенным лицом. Почему пайкоры оставили их вместе с пленницей, а не отправили на арену как остальных, было для Эуры загадкой.

– Чтоб им подземные духи камешком по темечку попали... – Выругалась Эура.

– Скажи спасибо, что не догадались затопить туннель, открыв шлюзы, – усмехнулся старик, вытирая пыль с усов и бровей.

– Не получилось бы: туннель уходит вверх, – возразила Эура.

Опираясь на руку Радэка, она поднялась с колен и отряхнула покрытую пылью лекарскую тунику.

– Почему ты её не бросишь? – Повторила свой вопрос Эура. – Она лишь обуза. И они тоже..., -добавила девушка, указывая пальцем на раненых. – Любая стычка с подземными обитателями откажется для них последней.

– Я отвечаю за них, – отрезал Радэк.

Мысль о том, что люди могут быть брошены в пайкорских туннелях, была рыцарю чужда и противна. Рыцарь втайне тяжело переживал гибель каждого из своих людей, считая себя виновным перед богами в каждой из смертей, виновным в том, что не уберёт, не защитил, не спас. А ведь он клялся защищать людей перед богами, когда его, четырнадцатилетнего юнца, красного от волнения и полуденного зноя, принимали в рыцари Ордена Сияющих небес на площади у храма Всех Светлых богов. Клялся перед людьми, когда, преклонив колено, произносил слова присяги перед лордом Маркусом и его женой. Он клялся своей кровью и честью. Это был его выбор, его путь и смысл всей его жизни.

Из-за носилок, на которых покоилось все ещё живое тело госпожи Беатриче, они шли медленнее, из-за раненых и уставших приходилось делать частые передышки, но свято уверенный, что в жизни не бывает лёгких путей и трудности дарованы богами, дабы укрепить дух и тело, Радэк стойчески переносил тяготы. Рыцарь был готов плестись, ждать пока отдохнут люди, делиться драгоценными запасами воды и еды, тащить носилки и стоять вне очереди в дозоре. Не все были готовы на такие жертвы.

– Скажешь, что их перебили орки, – настаивала Эура.

– Я отвечаю за них перед собой, перед богами и своей совестью. Пойми ты, наконец, я не боюсь господина Маркуса: проблемы подчинённых его никогда не волновали. Я просто не смогу дальше жить, зная, что ничего не сделал для них. Увы, вместе с властью даётся и ответственность за тех, кто идёт за тобой. Кстати, если тебя это успокоит, раз уж ты присоединилась к нам, я отвечаю и за тебя. Это закон команды: один за всех и все за одного. Иначе в Каулют-Маа не выжить. Даже нелюди это понимают, но для тебя, видимо, это сложно.

– Я по натуре одиночка.

– Ты просто не сталкивалась с настоящими трудностями.

– У неё есть шанс, господин Радэк, – тихо проговорил мужчина в латах, трогая за плечо Радэка.

В темноте туннеля к ним приближалась алая мерцающая точка.

– К оружию, – тихо скомандовал Радэк.

– Что это? – Шёпотом спросила Эура, чувствуя, как ладони становятся влажными, а душа ползёт в сторону пяток.

– Злобоглаз. Берегите глаза и не встречайтесь с ним взглядом. Может, не заметит или решит, что нас слишком много и уберётся, – спокойно ответил Радэк. Лишь плотно стиснутые зубы выдавали его волнение.

Злобоглаз приближался утробно урча. Огромный шар, окружённый венцом бледно-голубых щупалец, утробно урча надвигался на беглецов из глубины пещеры левитируя над полом. Его глаз с пронизанным паутинкой сосудов белком и алой радужкой шарил по стенам в поиске добычи. Из полуоткрытой зубастой пасти капала слюна. За ним тянулись ещё шестеро. Вереница монстров, растянувшаяся по туннелю огромной гусеницей, загораживала проход.

– Не стреляйте без приказа, – прошептал Радэк.

За спиной послышался шёпот. Кто-то, заранее предчувствуя безрадостный конец, читал заупокойную молитву, понимая, что отпевать в подземелье будет некому.

Нервы у одного из лучников сдали, и стрела, исчезнув темноте, звонко ударилась о каменный потолок. Первый злобоглаз до этого момента неторопливо ползший по туннелю через несколько мгновений оказался рядом. Эура ощутила смрадное дыхание смерти у своего лица.

– Стойте, – донёсся с носилок слабый женский голос.

Монстр завис в футах от Эуры и Радэка. Краем глаза Эура заметила, как откинулось испачканное кровью шерстяное покрывало, и Беата приподнялась на носилках. Стоящий рядом лучник, бережно обхватив за плечи, помог женщине встать.

– Не стреляйте, – прошептала она, опираясь на лучника. Женщину трясло. Капли холодного пота текли по бледной коже. – Он пропускает нас. – Тихо добавила она спустя некоторое время.

– А остальные?

– Его дети не причинят нам зла. Он извиняется, что не может проводить нас до поверхности, так как должен охранять что-то. Что-то очень ценное.

– А что он должен охранять?

– Тайну.... – Раздался где-то в глубине черепной коробки утробный нечеловеческий голос

– Какую тайну? – Мысленно спросила Эура.

– Тайну... – Повторил злобоглаз.

– Хорошо, хорошо... – Быстро проговорила Эура. – Раз уж нас не съедят, может, быстро двинемся дальше, пока они не передумали?

– Поддерживаю, – кивнул головой Радэк.

Злобоглаз развернулся на месте, открывая «спину» с шевелящимися щупальцами и тремя мелкими глазами на тонких голубых ниточках, и пополз в обратном направлении. Люди последовали за ним.

– Каждый раз, когда он начинает оборачиваться, я седею, – прошептала Эура.

– Это КаулютМаа, дочка. Злобоглаз – не самый страшный из обитателей здешних земель, – улыбнулся Миран и задорные искорки заиграли в уголках его глаз.

– Что ж, Радэк не сказал, что госпожа Беата – чародейка, – пробурчала Эура.

– Беата-то? Не магичка она. Просто злобоглаз этот – не охотник, а охранник. Он решил сперва поговорить и выбрал того, с кем это сделать проще, того, чья душа с телом слабо связана. Беата ему объяснила, что мы не причиним вреда ему и тому, что он охраняет. Объяснила и убедила. Она у нас, как солнышко весеннее, – всем светит. Слово скажет, как лучом пригреет. Даже до сердца злобоглазова дотянуться смогла. Магичкой же она отродясь не была. Господин

наш, её случайно встретил, когда после смерти отца земли свои осматривал. Она его коней напоила и ночлег пустила. Сама она из простых людей: отец рудокопом был, а мать – дочерью кузнеца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.